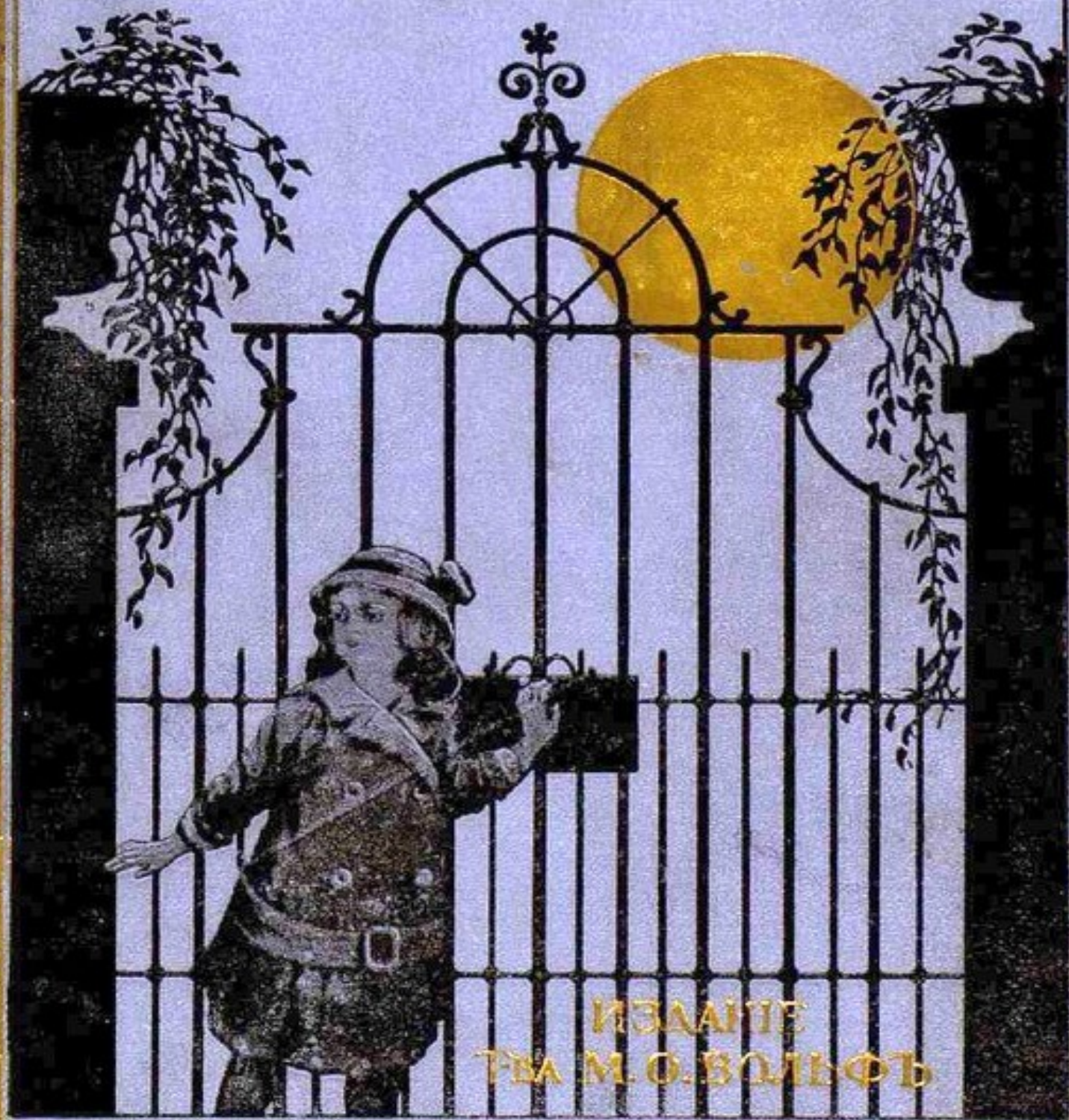

МАЛЮТКА МАРГО

ПОВЕСТЬ
Л. ЧАРСКОЙ

ИЗДАНИЕ
ГЛАВНОГО
УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В русской детской литературе не было писателя столь популярного среди детей и подростков, как Лидия Чурилова, известная под псевдонимом Чарская. Ее творчество называли одним из примечательных явлений русской литературы; по мнению писателя Ф. Сологуба, популярность Чарской превосходила популярность Крылова в России и Андерсена в Дании. С 1901 по 1918 год Чарской было написано и опубликовано около 180 произведений, она «стала властительницей сердец и дум» не одного поколения русских детей.

Повесть «Малютка Марго» была опубликована в 1916 году. Это история о маленькой француженке, волею судьбы оказавшейся в России. Но вот беда: трагически погибает мать и Марго остается совершенно одна в чужой для нее стране. Единственная мечта — вернуться на родину — кажется несбыточной. Ей предстоит пережить множество приключений. Она узнает, что на свете порой случаются несчастья, но всегда есть те, кто готов помочь и поддержать, а любые неприятности могут обернуться счастьем. Надо лишь всегда оставаться открытым, смелым, честным и добрым человеком.

Лидия Чарская

Малютка Марго

Она пела песенку о маленькой принцессе...

Глава I

Малютка Марго и ее мама

Тук-тук-тук-тук!.. — стучит-постукивает колесами поезд. — Тук-тук-тук-тук!.. Маленькая черноглазая девочка с длинными черными локонами, спускающимися по плечам, не отрываясь, смотрит из окна вагона на убегающие в даль поля, нивы, деревни и зеленые леса.

Сейчас только поезд отошел от станции Вержболово, расположенной на границе России и Германии. Маленькая девочка с любопытством высовывается в открытое окно вагона, а горячее июньское солнце ласкает ее черную голову.

— Марго, надень шляпу. Смотри, деточка, чтобы тебе не напекло голову, — слышится позади нее ласковый голос молодой на вид женщины, говорящей по-французски.

Это ее мама, только что беседовавшая со своей соседкой по вагону, русской учительницей, ехавшей с ними от самого Берлина.

Марго живо оборачивается, улыбается маме и протягивает нехотя руку за шляпой, которую та ей подает. Но тут же, не выдержав, стремительно кидается на шею матери, обвивает ручонками ее шею и осыпает градом поцелуев ее лицо.

— Я тебя люблю. Я тебя обожаю. Куколка ты моя! Роднуля ты моя! — лепечет по-французски девочка и целует без конца милое мамино лицо.

Мама Марго очень похожа на свою дочку: с такими же черными глазами и локонами, как у малютки. Она кажется скорее старшей сестрой, нежели матерью этой девчурки. И мама никогда не прочь пошутить и посмеяться со своей девочкой.

— Ну-ну, будет, отстань... Довольно. Разве можно так вести себя при чужих людях! — притворно сердится мама и как будто отгоняет Марго. А у самой лицо — такое счастливое, такое довольное и улыбающееся, в то время, как она держит на коленях свою малютку.

Марго, действительно, малютка — не даром же и называют ее все «малюткой Марго». Хотя девочке уже восемь лет, она кажется пятилетней крошкой.

— Вот, — обращается мама к соседке, русской учительнице, имя которой Марго никак не может запомнить, — не могу отделаться от этой маленькой шалуни. Подумайте, m-elle, я предполагала оставить ее в Париже, когда получила место у вас, в России... Да не тут-то было. Вцепилась она в меня и не отпускает никуда.

— Ты бы все равно без меня никуда не поехала. Ни за что бы не поехала, никогда! — делая плутоватую рожицу, шепчет Марго и звонко смеется. Потом она умудряется чмокнуть мать в самый кончик носа, отчего к смеху Марго примешивается немногим менее звонкий смех ее мамы.

Девочка не отрываясь, смотрит из окна вагона...

— Куколка моя, — снова с неизъяснимою нежностью шепчет девочка маме на ушко свое любимое ласкательное слово.

— Ангелочек мой! — так же тихо и нежно отвечает мама и, опять обращаясь к соседке, продолжает рассказывать:

— Да вот, представьте себе, m-elle, жила я всю свою жизнь безвыездно в Париже. Была, как и вы, учительницей, давала уроки музыки, а муж мой служил в большом торговом доме. Жили мы скромно, но безбедно... Но вот умирает внезапно муж, — о, ужасное это было несчастье! — и мы с малюткой Марго остаемся вдвоем на свете. Марго в то время едва минуло три года. Надо было ее поднимать на ноги, растить, учить... К урокам музыки я

прибавила себе новый заработок: стала делать бумажные цветы для продажи... Но ведь за это платят немного. Лет пять так билась. И, наконец, рискнула принять предложенное мне место гувернантки в России, в доме одного русского сановника. Этот сановник был как-то с семьею в Париже, там мы и познакомились. Семья прекрасная. Люди очень добрые и великодушные. Они разрешили мне взять с собою и малютку Марго в их дом, предложили воспитывать ее совместно с их детьми. Говорили, что присутствие в доме моей маленькой дочурки может только принести пользу их детям, так как она будет постоянно говорить с ними по-французски.

— Вам, я думаю, было очень тяжело уезжать из Парижа? — обратилась к малютке Марго их русская попутчица и добрыми серыми глазами взглянула в миловидное личико маленькой француженки.

— Ужасно тяжело! — вздохнув, отвечала за дочь madame Алиса Бернар. — Мы так привыкли к нашему городу, к нашей маленькой квартирке в шестом этаже, к нашим немногим знакомым. Родных у нас нет почти, родители мои и моего мужа давно умерли, а более далекие родные рассеяны по всему свету. Нам обеим было очень тяжело оставлять Париж.

Madame Бернар снова вздохнула.

Глава II

Виновата земляника

Поезд все мчится и мчится вперед...

Малютка Марго по-прежнему смотрит в окно, покрыв свою черную голову шляпой от ласк назойливого солнышка. Мимо бегут поля, мчатся нивы, стремительно пролетают деревни. Ах, как весело и интересно провожать их глазами! Как вообще интересно ехать в эту далекую, чужую Россию, о которой она, малютка Марго, слышала так много всяких рассказов.

Малютке Марго с поразительной ясностью припомнилась их крошечная, уютная квартирка в Париже: две маленькие комнатки с чистою кухнею, где постоянно хлопотала их служанка, толстушка Бланшетта, с румяными, как два спелые помидора, щеками. Припоминались ей прогулки с Бланшеттой на рынок, куда добрая девушка каждое утро брала с собою малютку-барышню; затем старая ворчливая привратница Сюзанна и веселый разносчик молока, наведывавшийся к ним ежедневно. Все они были хорошими приятелями Марго и искренно горевали при прощанье с нею. Но больше всех горевал маленький Поль, большой друг и приятель Марго с самого раннего ее детства.

Маленький Поль приходился внуком соседу по квартире — старому доброму monsieur Ришару. Все дни, с утра до вечера, дети проводили вместе; они даже посещали одну и ту же школу по соседству с их кварталом.

Когда отъезд малютки Марго в Россию был уже решен вполне, Поль чуть не заплакал с горя. Но как настоящий маленький мужчина, он сумел подавить свои слезы. Сжав кулачки, он энергично погрозил ими в ту сторону, где, по его предположению, должна была находиться эта противная Россия, отнимавшая у него его маленькую подругу.

— Уж этот Петербург... Вели бы он был не городом, а мальчишкой, показал бы я ему, — пробурчал Поль сердито и после небольшой паузы тем же недовольным тоном обратился к Марго:

— И куда ты только поедешь, малютка? Ведь в России, говорят, круглый год зима и снег, а по улицам бегают голодные волки. И меня не будет там, чтобы спасти тебя от них. Оставайся-ка лучше с нами.

— Нет, нет! Ты говоришь глупости, Поль. Как же я отпущу туда одну мою маму. Я поеду с нею всюду, даже к волкам! — горячо возразила Марго.

Ах, как было грустно им, когда наступил час разлуки. Тут уж Поль совершенно забыл о том, что он мальчик, будущий мужчина, и что мужчине плакать не полагается, и рыдал навзрыд. Марго в свою очередь обливалась слезами.

Но больше всех горевал маленький Поль.

Дети условились писать друг другу. Поль подарил своей маленькой подруге все, что считал самым дорогим из своих вещей: небольшую записную книжку с переведенными им собственноручно на ее страничках картинками. Марго не осталась в долгу и отдала маленькому приятелю крошку-куколку с отбитым носом, которую она любила почему-то больше всех остальных своих игрушек и вещей.

И сейчас, думая в вагоне об этом последнем прощанье, Марго снова захотелось поплакать. Теперь уже убегаящие куда-то мимо окон вагона картины не интересуют девочку. Ее мысли были заняты воспоминаниями о недавнем прошлом.

Но вот все тише и тише стал идти поезд. Сейчас, очевидно, должна быть остановка.

Малютка Марго высовывается из окна.

Так и есть — станция. Какая-то небольшая станция. На платформе толпа пестро одетых босоногих крестьянских ребятишек. В руках они держат пакетики, сделанные из древесной коры, и небольшие самодельные корзиночки, где алеет вкусная, спелая и сочная на вид лесная земляника.

— Мамочка! Мамочка! Смотри, какие смешные дети. В Париже я никогда не видела босых ребятишек. Смотри, эти босоножки продают ягоды...

— Можно мне купить ягод, мамочка? — весело и оживленно затараторила малютка Марго, то бросаясь к матери и ластясь к ней, то снова кидаясь к окну.

Поезд подошел к платформе станции и остановился.

— Мамочка, дай мне немножечко денег, я куплю ягод. Кстати, рассмотрю поближе этих потешных детей. Из окна их трудно разглядеть хорошенько, — вся красная от волнения продолжала малютка Марго.

— Смотри, только не сходи на платформу, — доставая деньги и подавая их девочке, произнесла madame Алиса Бернар. — Поезд простоит на этой станции самое короткое время.

— Да, да, мамочка, хорошо! — едва дослушав последние слова матери и выпархивая птичкой из вагона, крикнула Марго.

Со ступенек вагонной площадки было трудно объясняться с детьми, кинувшимися веселой толпою навстречу маленькой француженке. А тут еще вышло новое затруднение. Крестьянские ребятишки ничего, разумеется, не понимали из того, что им говорила Марго. Марго же, ни слова не зная по-русски, не понимала детей.

Произошла забавная сценка. Марго показывала пальцем на приглянувшуюся ей корзиночку земляники и жестами допытывалась у девочки-торговки, сколько стоят ягоды.

Та растопырила перед маленькой француженкой все свои десять пальцев на руках, что должно было означать десять копеек.

Тогда малютка Марго возмутилась.

«Как! Такая маленькая корзиночка стоит целых десять копеек? Не может быть», — подумала она.

И, мотая своей черной головкой и сверкая черными же, как угольки, глазками, Марго прыгнула в пылу спора на платформу и принялась торговаться, показывая пальцами пять.

Публика из поезда тоже занялась покупкою ягод, и никто не заметил затруднительного положения маленькой пассажирки, и никто не помог детям объясниться.

А девочка-торговка, видя, что лопочущая что-то на своем непонятном языке маленькая барышня уже взяла у нее корзинку, энергично протянула руку, почти вырвала ее у Марго и бегом бросилась от вагона.

— Как! Ведь я же купила эти ягоды. Оставалось только сговориться о цене. Какая глупенькая девочка. Надо ей это растолковать во что бы то ни стало, — подумала Марго, вспыхнув от негодования.

И забыв в эту минуту про запрещение матери сходить на платформу и про короткую остановку поезда на этой станции, малютка Марго бросилась догонять девочку, чтобы убедить ее продать ягоды.

Маленькая же крестьяночка, уверенная, что черноволосая «нездешняя» барышня гонится за нею с тем, чтобы взять землянику даром, прибавила ходу и стрелой полетела по дороге, ведущей от станции к деревне, где она жила.

Малютка Марго помчалась за нею.

Остальные дети, продавщики и продавщицы ягод, сновали по-прежнему по платформе, предлагая пассажирам свой товар. А пассажиры, занятые кто чем, и не заметили двух удалявшихся от платформы маленьких девочек.

— Остановись! Остановись! — кричала крестьяночке малютка Марго по-французски, совершенно забывая, что девочка не может понять ее. — Я куплю у тебя ягоды, Но у меня не хватит денег... Я сбегая в вагон, возьму у мамы еще... Ты говоришь, ягоды стоят десять копеек, а у меня всего только пять. Сейчас я...

Малютка не договорила...

Что это? Кто это свистнул там позади?

Марго живо обернулась...

От платформы, с которой она только что убежала, отходил поезд. Серый дым, выскакивая клубами из трубы, вился повыше вагонов, как огромная серая змея. Снова, но уже значительно тише, заглушенные расстоянием, застучали колеса:

— Тук-тук-тук-тук!

Поезд пошел скорее...

Ужас охватил маленькую француженку. Сердце Марго дрогнуло и замерло от испуга и неожиданности. Даже пот выступил у нее на лбу, и вся она похолодела.

— Поезд ушел, пока я гналась за девочкой, — с поразительной ясностью промелькнуло ужасное сознание в ее маленькой головке. И сразу малютка Марго поняла всю безвыходность, все отчаяние своего положения.

— Мама! Мама! — рыдая навзрыд, закричала девочка. — Где моя мама? Я хочу к моей маме. Отведите меня к ней.

И она помчалась, испуская отчаянные крики, с лицом, залитым слезами, обратно к станции.

Глава III

Неожиданное утешение

Поезда на станции, конечно, уже не было. Он был уже далеко. Только след его — серый дымок — еще клубился над группой мелькавших вдали деревьев. А на самой платформе, где еще за несколько минут до этого было так оживленно и людно, теперь не оказалось почти никого. Один только господин в белом кителе с блестящими пуговицами и в красной фуражке, в сопровождении двух железнодорожных сторожей, ходил по платформе, что-то внимательно высматривая.

Малютка Марго остановилась перед ним с громким плачем:

— Где моя мама? Где поезд? Верните мне маму!

Начальник станции, не обучавшийся никогда французскому языку, ничего не понял и лишь пожал плечами!

— Что говорит девочка? Откуда она взялась?

Малютка Марго бросилась догонять девочку.

И чем больше старалась растолковать ему свое горе Марго, тем менее он понимал ее.

Сторожа только руками разводили, уже совсем не соображая, что могло случиться. Вдруг один из них вспомнил что-то:

— Ваше благородие, — обратился он к начальнику станции, — телеграфистка у нас есть, Марья Демидовна, она и французскому и немецкому обучена. Прикажите попросить ее сюда. Авось, она поймет девчонку эту самую и растолкует, чего она от нас хочет.

— Да, да, верно. Проси ее сюда, — приказал начальник.

Сторож скрылся на минуту и снова появился на платформе, уже в сопровождении худенькой небольшого роста женщины.

Увидев девочку, телеграфистка подошла к ней, ласково обняла и стала ее расспрашивать.

Услышав свой родной язык, Марго немного приободрилась и рассказала обо всем, что случилось с ней, рассказала, как она не послушалась матери, как по рассеянности удалилась от платформы и как за это время ушел поезд вместе с мамой, которую зовут мадам Бернар.

— О! — крикнула в заключение девочка, снова залившись слезами, — верните меня к маме, поскорее верните! Она, наверное, очень беспокоится.

— Успокойся, моя девочка, — глядя черную головку малютки, произнесла телеграфистка, — мы сейчас же пошлем твоей маме телеграмму на следующую станцию, чтобы она не беспокоилась и подождала тебя там. А завтра утром мы отправим тебя с поездом к ней. Тебе придется только одну ночь провести здесь без мамы. Но домой к себе я взять тебя не могу, так как буду дежурить сегодня ночью на станции, в телеграфной конторе. Пойдем же туда, девочка, я уложу тебя на диван, и ты отлично выспишься за ночь. А завтра я разбужу тебя, и, как только пойдет следующий поезд, мы вместе отправимся на станцию, где твоя мама.

Что-то спокойное и уверенное было в тоне и голосе телеграфистки Марьи Демидовны, и не поверить ей нельзя было. И малютка Марго успокоилась сразу. Слезы ее высохли. Она уже улыбалась.

Поговорив с начальником станции и заручившись его согласием, Марья Демидовна повела к себе в телеграфное отделение маленькую француженку, напоила ее молоком, накормила ее скромным холодным ужином и уложила девочку спать на широком кожаном диване.

— Постарайся уснуть как можно скорее, чтобы проснуться бодрой и веселой, когда подойдет утренний поезд, — целуя малютку, проговорила добрая женщина.

Марго чувствовала себя прекрасно и если волновалась еще, то только из-за причиненного ею матери беспокойства; если она еще боялась, то только за свою дорогую маму, которая, наверное, измучилась без своей маленькой, непослушной Марго.

Но самой малютке было здесь хорошо и уютно на мягком диване, под теплым платком, которым ее заботливо накрыла Марья Демидовна.

Мерно постукивал телеграфный аппарат. Приятным мягким светом светила лампа под зеленым абажуром. Ласково улыбалась малютке ее новая приятельница-телеграфистка, частенько оборачиваясь к дивану лицом. И, незаметно для самой себя, малютка Марго крепко заснула.

Глава IV

Испуг madame Бернар. Катастрофа

— Где Марго? Что это она не возвращается так долго в вагон? — беспокоилась между тем madame Бернар в то самое время, когда малютка бежала по дороге от станции, гоняясь за девочкой-торговкой.

— О, не волнуйтесь, сударыня, — поспешила успокоить ее учительница, — она, вероятно, давно уже в вагоне и разговаривает с кем-нибудь в соседнем отделении. Ваша девочка так мила, что невольно обращает на себя всеобщее внимание.

— Вы очень любезны, m-elle... — с благодарной улыбкой произнесла madame Бернар. — Однако она не возвращается... Надо пойти взглянуть в соседний вагон...

Сказав это, madame Бернар порывисто встала со своего места и направилась к двери. Но в соседнем отделении вагона Марго не оказалось.

Тогда взволнованная женщина направилась дальше, в следующие отделения. Сильное беспокойство охватило ее.

Бледная, как полотно, госпожа Бернар металась по всему поезду, дрожа от волнения...

— Вы не видели моей дочери, маленькой черноволосой девочки в большой соломенной шляпе? — обращалась она с одним и тем же вопросом ко всем пассажирам по-французски.

Некоторые из них только пожимали плечами, не понимая французской речи: другие же, которые понимали по-французски, отвечали отрицательно: никто из них не видел черноглазой маленькой француженки.

Тогда, взволнованная и испуганная, мать бросилась расспрашивать кондуктора, проводника и остальную поездную прислугу. Но никто опять не понимал ее.

С сильно бьющимся сердцем, бледная, как полотно, госпожа Бернар металась по всему поезду, дрожа от волнения.

— Марго! Марго! Где ты, моя малютка? Отзовись! — громко звала она девочку.

Но знакомый звонкий голос Марго не отзывался в ответ.

Только какая-то дама, увидев растерянное, взволнованное лицо француженки, объяснила ей на ломанном французском языке, что видела на станции маленькую девочку, говорившую что-то по-французски крестьянским детям, которые никак не могли понять.

— Кажется, она покупала землянику... А потом побежала в сторону от платформы, — закончила свои сведения дама.

— Побежала в сторону? Значит, она опоздала вернуться, и поезд ушел без нее... А вдруг она попала под поезд! Моя Марго под колесами! Она раздавлена поездом!.. Она погибла! — вскричала madame Бернар и с совершенно белым от страха лицом упала без чувств на руки подоспевших к ней пассажиров.

В то время, как молодая женщина лежала без чувств на скамейке вагона, а ее попутчица, русская учительница, хлопотала около нее вместе с другими пассажирами, поезд, в котором они ехали, стал замедлять ход... Послышались тревожные свистки, крики... Кто-то закричал испуганным голосом, что навстречу по тому же пути мчится другой поезд, что всех ждет неминуемая гибель...

Вдруг и свистки, и крики, — все это покрылось отчаянным шумом и грохотом. Что-то сильно ударило в стенку вагона... Люди попадали со своих мест, и самые вагоны, тяжело грохнувшись на бок, стали сползать вниз по откосу насыпи железной дороги...

Глава V

Затруднительное положение

Дзинннь-дзинннь... — протяжно зазвенел звонок телефона в дежурной комнате начальника станции.

Начальник станции в белом кителе и красной фуражке, тот самый, которому накануне вечером с плачем поверяла свое горе малютка Марго, бросился к телефону.

— Алло! Я слушаю. Говорите.

Взволнованный голос глухо зазвучал в трубке аппарата.

— Случилось ужасное несчастье... Пассажирский поезд № 27 потерпел крушение, столкнувшись с поездом № 26, шедшим из Петербурга... Несколько вагонов разбито в щепки... Особенно пострадал третий класс... Есть человеческие жертвы... Несколько убитых и раненых...

— № 27 с № 26? Какой ужас! На каком месте? Послан ли вспомогательный поезд за ранеными? Сколько убитых? — трепетным, прерывающимся голосом переспрашивал по телефону начальник станции.

Ему отвечали подробнее. Однако он не мог оставаться у телефона: так как подходил утренний поезд, присутствие начальника станции на платформе было необходимо.

Бледный и взволнованный, прошел он туда. И первое, что ему бросилось в глаза, была маленькая девочка, которую вела за руку телеграфистка.

Малютка Марго, отдохнувшая и выспавшаяся за ночь, теперь, к пяти часам утра, была свежа, как бутон розы.

Начальник станции подошел к телеграфистке.

— Марья Демидовна, — сказал он своей сослуживице, — вы хотите отправить девочку на следующую станцию? Но не лучше ли ее оставить здесь? Вы слышали, конечно, о крушении поезда... Кто знает, может быть, и ее мать сделалась жертвою катастрофы. Не лучше ли раньше выяснить... подождать... снестись по телефону с той станцией. Может быть, там уже известны имена всех погибших...

— Нет, нет! Девочка чересчур взволнована и без того, — горячо запротестовала телеграфистка. — Она так и рвется к матери... Я лучше отвезу ее туда, если путь уже расчищен. Если ее мать попала, не приведи Господи, в число погибших, наверное, найдется кто-либо, кто знает девочку. Она рассказывала мне о какой-то русской учительнице, ехавшей вместе с нею. Может быть, та довезет ее до места. В крайнем же случае я ее привезу обратно сюда и оставлю у себя. Пока, до свиданья. Сегодня у меня свободный по службе день, а к завтрашнему утру я вернусь одна или с девочкой. Ведь вы отпустите меня, не правда-ли? Не отправлять же девочку одну с поездной прислугой.

Малютка Марго радостно впорхнула в вагон...

— Конечно, конечно, поезжайте, Марья Демидовна, с Богом, — поспешил согласиться начальник станции.

Малютка Марго, не понимавшая ни слова из того, что говорилось, и не подозревавшая о крушении поезда, в котором ехала ее мать, была весела, как птичка.

Легко и радостно впорхнула Марго в вагон, болтая без умолку, стараясь рассеять сосредоточенное настроение своей новой знакомой и удивляясь ее озабоченному виду.

— Я вас познакомлю с моей мамой, — беспечно болтала девочка. — Вы увидите, какая она у меня хорошая... Мне очень совестно, что я не послушалась ее вчера... Но я сразу брошусь к ней на шею, буду целовать ее и хорошенько попрошу у нее прощения. И мамочка,

вы увидите, непременно простит меня... Вы не знаете, как добра она, моя мамочка. А я гадкая, скверная Марго, постоянно причиняю ей много забот и огорчений... Но, уверяю вас, это делается нечаянно. Я ужасно рассеянная и всегда забываю то, что мне говорят.

И малютка Марго снова весело и беззаботно рассмеялась своим звонким смехом.

Между тем поезд быстро подвигался вперед.

Около двенадцати часов Марья Демидовна и Марго уже подъезжали к следующей станции.

Странная картина представилась теперь глазам смотревшей в окошко девочки. Всюду по скату полотна валялись куски и обломки вагонов, скамеек, диванов, окон, дверей разбитого, потерпевшего крушение, поезда.

Сердечко Марго внезапно сжалось невольным предчувствием.

— Здесь, кажется, произошло какое-то несчастье? — робким, дрожащим голосом обратилась она к своей спутнице. — Наверное, так. Я видела на картинке в журнале изображение катастрофы на железной дороге, и это очень похоже на ту картинку.

Марья Демидовна старалась всячески успокоить девочку, но ей это не удавалось. Теперь Марго дрожала всем телом.

— А что, m-elle, — обратилась она к своей спутнице тем же замирающим от волнения голосом, — что, если произошло крушение с тем самым поездом, в котором ехала моя мама?

Тут дрожащий голос сразу пресекся. И сердечко Марго стало тревожнее биться.

— Но почему же это не может быть другой поезд, моя крошка? — избегая прямого ответа, вопросом на вопрос отвечала Марья Демидовна.

Малютка Марго промолчала. Больше она не расспрашивала ни о чем. Бедняжка совсем затихла, печально поникнув головкой.

Поезд подошел к станции. Марья Демидовна взяла девочку за руку и повела ее из вагона. Печальная картина представилась их глазам.

Глава VI

Несчастье

И на самой платформе, и в станционной комнате царила ужасная суматоха. Люди бегали и сустились, разыскивая свои вещи, свой багаж.

В залах первого, второго и третьего классов лежали больные и раненые. Много тяжело ушибленных во время крушения уже отправили в больницу. Здесь оставались более или менее легко раненые. Они ожидали следующего поезда, с которым должны были ехать дальше.

При появлении Марьи Демидовны и девочки с ближайшей скамейки поднялась молодая девушка с забинтованной головою и пошла навстречу Марго.

— Здравствуй, моя малютка... — произнесла она по-французски слабым разбитым голосом, — наконец-то я вижу тебя.

— А мама? Где моя мама? Вы знаете, где она, вы должны знать, вы были вместе с нею! — закричала с плачем Марго, дрожа всем телом.

Доброе некрасивое лицо учительницы сразу изменилось. В глазах у нее блеснули крупные слезы.

— Бедная моя девочка! — прошептала она и, наклонясь к Марго, нежно прижала ее к своей груди, — тебе не придется скоро увидеть твою милую маму: она больна, она тяжело пострадала во время кру...

Молодая девушка не договорила...

С диким криком отчаяния, Марго упала на пол и забилась, исступленно рыдая, на каменных плитах.

Марья Демидовна и Олимпиада Львовна бросились к ней.

— Неправда! Неправда! — рыдая, кричала Марго. — Моя мама здорова... Ведите меня к ней!.. Я хочу ее видеть!.. Я должна ее видеть непременно!..

— Деточка моя, нельзя этого. Мама твоя сейчас далеко... — с грустной улыбкой произнесла в ответ учительница.

— Она в больнице? — задыхаясь, кричала Марго.

— Нет, еще дальше... Бедная малютка, твоя мама теперь у Бога.

— Умерла! — вырвалось из груди девочки, и она лишилась чувств.

Обе женщины подняли ребенка и отнесли на диван.

— Что же нам теперь делать с нею? Я еще утром, узнав о крушении, решила взять ее к себе в случае несчастья с ее матерью, — обратилась телеграфистка к учительнице.

Олимпиада Львовна произнесла в ответ, покачивая головой:

— Нет, нет, ее мать поручила мне малютку. Она умерла от ран и ушибов в этой самой комнате у меня на руках. Мне она и поручила свою дочурку. Пока просила оставить девочку у себя, потом поместить в дом генерала Гордовцева, куда она ехала вместе с девочкой из Парижа... Он не откажется взять к себе в дом девочку. Пока она не успокоится, я подержу ее у себя в селе. У меня довольно сносное помещение при школе. Живу я там одна; Марго никому не помешает. Воздух у нас чистый и прекрасный, и девочка отдохнет и окрепнет немного до отъезда осенью в Петербург.

— Где вы живете, далеко отсюда? — осведомилась Марья Демидовна.

— Надо выйти на следующей станции. Село находится под Вильною, в нескольких

десятках верст оттуда, называется оно — Дерябкино.

— Желаю вам успеха в вашем добром деле, — с чувством, пожимая руку своей новой знакомой произнесла Марья Демидовна.

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы хоть немного успокоить горе девочки, — ответила молодая учительница. И, забывая весь ужас только что пережитого ею самою крушения, забывая свою сильно ушибленную голову, она стала ласкать и успокаивать пришедшую в себя Марго, рыдавшую на диване.

Марго то звала мать, награждая ее самыми ласковыми, самыми нежными именами, то бранила себя за то, что не послушалась ее, то билась головой о подушки дивана, то замирала, теряя последние силы, и только тихо, жалобно стонала.

Между тем поезд не ждал. Надо было ехать дальше.

Опять обе женщины подняли измученную слезами девочку и перенесли ее в вагон. Здесь попрощавшись с Марьей Демидовной, Олимпиада Львовна обняла малютку, взяла ее к себе на колени и, прижав к груди, стала баюкать, как маленького ребенка.

Отчаянные рыдания Марго стали постепенно стихать от этой ласки и перешли в тихие жалобные слезы. Слезы сменились легким забытьем. Теперь она лежала на коленях Олимпиады Львовны, прижавшись головой к ее плечу, и только изредка вздрагивала всем телом. Потом и это прекратилось. Малютка Марго затихла, доверчиво отдавшись под покровительство незнакомой ей молодой девушки.

Глава VII

Маленький домик

— Ну, малютка Марго, входи... Вот твое новое жилище. Нравится тебе оно?

И стараясь своим тоном подбодрить девочку, Олимпиада Львовна спустила из брички на землю свою маленькую гостью и, держа ее за руку, вбежала с нею на крыльцо школьного домика.

Сейчас они с Марго сделали около тридцати верст от ближайшей станции на лошадях и под оглушительный лай деревенских собак въехали в село, где Олимпиада Львовна служила учительницей в сельской школе.

По дороге им встречались крестьяне и низко кланялись молодой учительнице. Они два месяца ее не видели и теперь встречали с радостными улыбками. Олимпиаду Львовну очень любили за ее доброе отношение к ученикам и ученицам.

Она никогда не наказывала детей, не говорила с ними грубо. И дети слушались ее, понимали с одного слова, с одного взгляда.

— *Что же нам теперь делать с нею?* — сказала телеграфистка...

Не выпуская ручки Марго из своей руки, Олимпиада Львовна ввела девочку в свой маленький домик.

Большая половина этого домика была отведена под школу. Там стояли столы и скамейки, висели географические карты на стенах, стоял большой книжный шкаф. Меньшая половина домика составляла квартиру учительницы. В квартире была всего одна небольшая комната и чистенькая кухня.

— Ну, вот, малютка, ты и поселишься здесь до поры до времени, — радушно обратилась хозяйка крохотной квартирки к своей печальной, грустной маленькой гостье.

Бедная Марго ничего не ответила, только всплеснула ручонками и снова залилась

горькими слезами.

Ах, не такой жизни ожидала она, бедненькая Марго, не с чужой, хотя и доброй и милой m-elle Липой, — так она, с трудом произнося русское имя, называла свою благодетельницу, а с ненаглядной мамочкой, которой, увы! уже нет больше с нею и никогда уже не будет...

Заметив, что Марго стало тяжело на душе, Олимпиада Львовна дала ей выплакаться и молча ласкала и гладила ее черную головку. Потом она накормила и напоила молоком и уложила в свою постель. Сама же улеглась подле на диване.

В эту ночь долго не могла уснуть молодая учительница села Дерябкина. Она думала о том, как тяжело ей будет успокоить несчастную девочку, как трудно будет ухаживать за избалованной Марго. К счастью, летом не бывало уроков в школе, и Олимпиада Львовна могла на досуге заняться своей маленькой воспитанницей.

— Пусть успокоится хоть немного, а там я отправлю ее в семью генерала Гордовцева, — решила молодая учительница. — На людях, в новой обстановке она скорее привыкнет к своей тяжелой потере. Бедная девочка! Не легко ей будет теперь. Одиношенька, без родных, да еще в чужой, незнакомой ей стране. Бедная, бедная крошка!

Глава VIII

Малютка Марго вступает в новую жизнь

— Проснись, Марго, к нам пришли гости. Они принесли тебе цветы и ягоды. Просыпайся поскорее, моя ласточка, смотри, как светит солнышко, какой чудесный нынче денек.

С этими словами Олимпиада Львовна нежным прикосновением руки разбудила свою маленькую гостью.

Черные заспанные глаза француженки широко раскрылись. Вместе с нею тотчас же проснулось и ее горе. Нет с нею мамы! Ее мама, ее ненаглядная куколка умерла. Сердечко Марго забилося в груди. Рыдания подступили к горлу. Девочка слегка зашаталась.

Подоспевшая Олимпиаде Львовна, видя тяжелое настроение девочки, стала развлекать ее, как могла. Помогая одеваться девочке, подавая ей умываться из глиняного кувшина, добрая девушка говорила Марго:

— Смотри, малютка, какое нынче красивое небо... А белые облака... как они прекрасны. Они бегут, точно торопятся, спешат куда-то. У нас за селом сейчас же начинается лес, густой, таинственный, красивый. Там много ягод и цветов. Крестьянские дети постоянно ходят туда за цветами и ягодами. И ты будешь тоже гулять там. А теперь выпей молока и выйди в сад. Ребятишки ждут тебя там давно.

* * *

Какой хорошенький сад был при школьном доме. Густо разрослись в нем кусты смородины и бузины. Желтые подсолнечники кичливо красовались на грядках. И душистый горошек застенчиво улыбался с маленькой куртины, разбитой посреди палисадника.

Марго под руку со своей новой приятельницей Олимпиадой Львовной выходит сюда.

Толпа крестьянских ребятишек весело встречает ее с цветами и корзиночками ягод.

— Здравствуйте, Олимпиада Львовна! С приездом вас! — звонко раздаются их приветствия.

— Здравствуйте, незнакомая барышня! — вслед за тем обращаются они к Марго, равнодушно кивнувшей им своей черненькой головкой.

— Здравствуйте, дети! — с приветливой улыбкой отвечает учительница. — А я привезла к вам гостью. Будьте как можно ласковее с нею. Это очень несчастная маленькая девочка. Ее мать убита во время крушения поезда, и малютка осталась круглой сиротой, одна-одинешенька в целом мире. Она — маленькая француженка и ни слова не говорит по-русски. Постарайтесь, дети, сделать ее жизнь здесь приятной. Развлекайте ее играми, гуляйте с нею, покажите ей лес, поле, деревню. Не давайте ей быть одной, плакать и грустить. Ты, Ванюша, как самый старший, возьми на себя заботу о маленькой девочке, — обратилась Олимпиада Львовна к белокурому мальчику лет двенадцати, смотревшему на нее своими большими добрыми глазами и на лету подхватывавшему каждое слово учительницы.

— Хорошо, Олимпиада Львовна, будем стараться, не беспокойтесь! — с готовностью ответил Ванюша, лучший ученик и гордость Дерябкинской школы.

— А ты, Груня, — обратилась Олимпиада Львовна к миловидной, черненькой,

загоревшей, как цыганочка, девочке лет девяти, — ты тоже не давай никому в обиду нашу маленькую гостью.

— Ладно, не дам, — отозвалась и Груня, застенчиво потупя глазки и помолчав немного, добавила. — А я вам, Олимпиада Львовна, ягод принесла, так уж не сердитесь, отдам их гостье.

— Спасибо, милушка, — погладив черненькую головку, произнесла учительница и, чтобы не мешать детям познакомиться, сама направилась в дом.

Глава IX

Непредвиденная выходка

Дети остались одни. Толпа крестьянских ребятишек окружила Марго и рассматривала ее, как какого-нибудь диковинного зверя. Маленькая француженка, в свою очередь, не отрываясь, смотрела на детей.

Их было человек двенадцать. Кроме Ванюши и Груни, пришли еще Сенька-большой и Сенька-маленький, Мишутка-чернявый, Алексаша, сын мельника, его две сестрички, Ганя и Анюта, рябой Митюха, двое сыновей лавочника да Никитка-шалун, самый большой проказник изо всей сельской школы, где он обучался.

Дети продолжали долго и молча рассматривать Марго, Марго — детей. Наконец, Никитка-шалун не выдержал и сказал, первый прервав молчание:

— Французинка... Ишь ты, глаза-то какие черные. Издалеча приехали, видать... На карте географической я Париж ихний видал. Как поедешь в этот Париж, так и угоришь. Важно! — заключил он свою речь смехом.

— Ты-то не поедешь. Не угоришь, не бойся, — засмеялся Ванюша.

— В истории мы учили в классе, что шибко с французами в 1812 году наши дрались... — вставил Алексаша, желая хвастнуть своими познаниями перед детьми.

— У нее мамка померла... бедна-а-я, — произнесла с чувством жалостливая Груня. — Я ей землянику отдам, что для Олимпиады Львовны насбирала.

— А мы цветы!

— Я ей гнездышко с яичками зябликовыми подарю! — торжественно произнес Митюха, некрасивый, рябой, застенчивый мальчик, вытащив из кармана птичье гнездо с прелестными крошечными яичками, и протянул его Марго.

За ним потянулись к Марго и другие детские ручонки, с большими лесными букетами дикой гвоздики, ромашки, куриной слепоты, кашики... Маленькая Груня, потупившись, подала Марго свою корзиночку с земляникой.

И тут внезапно произошло нечто, чего менее всего ожидали дети.

Лишь только Марго увидела ягоды, вся картина недавно пережитого несчастья воскресла перед ее глазами. Вспомнилась сразу маленькой француженке другая точно такая же крестьянская русская девочка с ягодами на станции железной дороги... Вспомнилось с поразительной ясностью, как покупала она у той девочки землянику, как та отняла корзинку обратно... как она, Марго, побежала за крестьянской девочкой вдогонку и осталась из-за этого на станции... как поезд ушел без нее... Мама уехала и... погибла... Если бы не девочка с ягодами, гадкая, скверная девчонка, она, Марго, во-время вернулась бы в вагон и не разлучилась бы уже с мамой... Не разлучилась бы ни за что... Вместе умерли бы они с мамой... под обломками поезда. Это было бы во сто раз лучше, нежели жить такой одинокой на свете. А теперь... теперь... О, как ненавидит она всех этих гадких девочек с ягодами, всех до одной, из-за той девчонки, которая ее сделала такой несчастной. И эта такая же, как та: босая, загорелая, грязноватая.

И Марго с такой ненавистью и злобой взглянула на ни в чем неповинную Груню, что той в первую минуту даже страшно стало.

Однако Груня все-таки поборолла свое смущение и, протягивая корзиночку с ягодами маленькой француженке, произнесла робко:

— На... возьми, барышня. Кушай на здоровье... Сама утром собирала свеженькие в лесу. Возьми же, кушай...

Марго показалось, что девочка дразнит ее и нарочно напоминает ей о том, что случилось вчера. Маленькая француженка еще больше рассердилась, побледнела от злости и, резко вырвав из рук Груни корзинку, размахнулась ею и изо всей силы швырнула ее за изгородь сада.

Марго размахнулась корзинкой и изо всей силы швырнула ее за изгородь сада...

— Ах! — вырвалось дружно у недоумевавших детей.

Но Марго уже не могла сдержать своего волнения и начала вырывать из рук ребятишек цветы и букеты и швырять их на траву.

— Вот, вот, куда их надо, — лепетала она по-французски, бледная, с горящими глазами, топчa цветы ногами, — мне никого не надо и ничего не надо теперь... Только маму. Только маму. Верните мне ее. Верните сейчас.

— Ну, и барышня! Ну, и гостя! — первый опомнился Никитка. — Зверь какой-то, а не барышня. Разве можно так злиться?

— И свирепая же она, братцы, — протянул Алексаша, испуганно глядя на взволнованную Марго.

— Гляди, гляди, глазищами-то как ворочает, — крикнул Сенька-большой.

— А лопочет-то, лопочет по-свойски, ровно горохом сыплет, — вставил другой Сенька, маленький. — Такая невеличка, ростом от земли не видать, поди-ка, а сердитая, ровно большая.

— Полно, братцы, пушай ее. Слышали, мать у нее померла в крушении... так мудрено ли... — примиряюще произнес Ванюша и, прикрикнув на плачущую от обиды Груню, решительно подошел к Марго.

— Перестань сердиться, барышня, — кладя ей руку на плечо, произнес мальчик. — Мы к тебе всей душой, то-есть... а ты это в толк себе не возьмешь никак... Эх, жалость какая, по-нашему ты говорить не можешь. А вот мы...

Ванюша не успел закончить начатой фразы... Малютка Марго с новым приливом отчаяния и тоски взглянула на него своими черными глазами и, внезапно сбросив с плеча руку мальчика, стрелой кинулась из школьного палисадника по направлению к лесу...

Куда и зачем она бежит — Марго и сама не знала хорошенько, сами ноги, казалось, несли ее.

Олимпиады Львовны, которая одна могла бы остановить девочку, не было подле; ребятишки растерялись и, выпучив глаза от изумления, смотрели вслед маленькой француженке...

А малютка Марго все бежала, все мчалась, как на крыльях. Вот и лес близко... Вот добежала она до его опушки... Вот приветливо накрыли ее шатром его тенистые деревья. Девочка вбежала под их гостеприимную сень, взяла вправо, потом влево и, измученная, изнеможенная, бросилась на мягкий мох, на согретую июньским солнышком траву. И тут только она дала полную волю слезам, полную волю своему горю...

Глава X

Утешительница

Марго плакала навзрыд, громко повторяя:

— Мама! Мамочка! Зачем ты ушла от меня! Зачем оставила одну... Боже мой! Как мне тяжело без тебя, без твоей ласки. Никто не будет любить меня так, как ты. Никто, как ты, не пожалеет меня. Все здесь чужие... далекие... Мне не надо от них ничего, мне только тебя нужно, мамочка! Я так одинока, так одинока...

— Ты ошибаешься, милая девочка. Ты вовсе не так одинока, как думаешь. У тебя есть и будут друзья, которые не дадут тебя в обиду, — неожиданно услышала Марго над собою чей-то нежный голос, чью-то довольно правильную французскую речь.

Сначала Марго показалось, что она слышит все это во сне, что стоит ей только проснуться и тот, кто заговорил с нею на ее родном языке, исчезнет как дым. Она вскочила на ноги и перестала плакать.

Перед нею стояла девочка, одетая в простенькое платье, с широкополой шляпой на голове. Девочке было на вид лет 13. Она смотрела на изумленную Марго большими серыми глазами и ласково улыбалась ей.

— Кто ты? — вырвалось у Марго, не перестававшей с удивлением смотреть на девочку.

— Я — Нюра, дочь здешнего священника, отца Паисия, — ответила та и, взяв руку Марго, задержала ее ласково в своей.

— А почему же ты умеешь говорить по-французски? — снова обратилась Марго к девочке.

— А потому, что я учусь зимою в городе, в пансионе. В пансионе нас обучают и французскому, и немецкому языку. Сюда же домой к отцу я приехала на каникулы. А разве я говорю сносно по-французски, и ты меня понимаешь?

— О, да! Ты прекрасно говоришь, — поспешила ее уверить Марго, и слезы, постепенно высохавшие на глазах маленькой француженки, совсем исчезли.

— Я гуляла в лесу, — продолжала по-французски Нюра, — и слышала плач. Я догадалась сразу, что плачет осиротевшая бедная девочка, с матерью которой случилось такое ужасное несчастье. Учительница, с которой ты ехала, сегодня рано утром была у нас и рассказала о тебе. Нам было тебя так жаль, так ужасно жаль...

При этом Нюра обняла девочку и прижала ее к себе.

Марго опять жалобно заплакала.

Нюра дала ей выплакаться, потом заговорила снова:

— Знаешь что, миленькая? Я вряд ли сумею тебя утешить. Но если бы ты знала, как хорошо умеет утешать людское горе мой папа! Хочешь, я отведу тебя к нему? Он тебя научит, как переносить несчастье. Но он не понимает по-французски и говорит только по-русски. Но все, что он будет говорить, я тотчас все переведу тебе. И ты увидишь, как тебе сразу станет легче на душе. Пойдем сейчас к нему, да?

Вместо ответа Марго протянула Нюре ручку.

Нюра крепко и нежно сжала ее пальчики, и обе девочки бегом направились в деревню.

Глава XI

Отец Паисий. Сон малютки Марго

Доми́к священника стоял близ ограды церкви и кладбища. Он был окружен деревьями и весь утопал в зелени.

Когда Нюра, об руку с Марго, приближалась к крыльцу домика, на пороге его, защищая рукою глаза от солнца, стоял священник, отец Паисий, Нюрин отец. При появлении малютки Марго, он положил ей на голову свою большую тяжелую руку и, сделав знак дочери, чтобы она переводила его слова, ласково заговорил:

— Я знаю, ужасное горе случилось с тобою, крошка. Но ты должна постараться стойко перенести его. Ты должна стараться не горевать. Господь Бог любит детей. Он поддержит тебя, маленькую, в твоём несчастье и успокоит тебя. Твоя мама ушла от тебя навсегда. Но и теперь твоя мать видит тебя, следит за тобой. Каждое твоё доброе дело, хороший, светлый поступок будут радовать её... Все же дурное с твоей стороны — огорчит твою маму... Помни это, малютка, и старайся добрым поведением утешать и радовать её.

Пока отец Паисий говорил все это, а Нюра переводила, Марго чувствовала, как с каждым новым словом, произносимым мягким голосом священника, ей становилось все легче и легче.

Отец Паисий, закончив свою речь, благословил Марго и, нагнувшись, поцеловал её черную кудрявую головку. Потом девочку оставили обедать в гостеприимном доме священника.

Пришла Олимпиада Львовна, за которой сбегала Нюра.

Ей Марго чистосердечно рассказала об утренней своей ссоре с детьми.

— Мне очень жаль, что я была так несправедлива, — произнесла Марго, краснея. — Я с удовольствием подарила бы что-нибудь той маленькой девочке, которую я так обидела сегодня.

Увы! У француженки-сиротки ничего не было, что бы можно было подарить Груне: все вещи Марго пропали во время крушения поезда. Но примирение обошлось и без подарка. После обеда позвали маленькую Груню, и Марго, смущенная, протянула ей руку. Груня ласково посмотрела на француженку и дала понять, что забыла свою обиду.

Прибежали после обеда к домику священника и остальные дети и, как ни в чем не бывало, всею гурьбою, с Марго и Нюрой, отправились в лес...

* * *

Станный сон приснился маленькой Марго в ту ночь.

Она увидела роскошный сад; в нем цвели дивные розы, нарциссы, левкой; в кустах порхали хорошенькие птички с блестящими крылышками и яркими глазками. В середине сада была беседка. Марго, гуляя среди цветов, направилась к этой беседке и увидела там сидевшую на скамье молодую женщину... Женщина обернулась к ней, и Марго радостно вскрикнула:

— Мама!

Мама взяла на руки свою малютку, обнимала, целовала её и повторила ей то же самое,

от слова до слова, что говорил сегодня отец Паисий. Она объяснила Марго, что хотя она далеко-далеко от нее, но все-таки видит ее каждый час, каждый миг...

Как горячи были мамины поцелуи! Как нежны были ее ласки! Вся обвеянная ими, проснулась на следующее утро Марго.

Сиротка сейчас же сообразила, что все это был только сон, но сердечко ее билось ровно и спокойно. Тяжелое горе рассеялось, осталась лишь тихая грусть...

Малютка Марго вступила в новую жизнь...

* * *

Дни бежали за днями. Незаметно проходило время.

Малютка Марго успокаивалась мало-помалу. Теперь она уже не плакала и не горевала, как раньше.

По утрам Олимпиада Львовна занималась с маленькой француженкой целый час: она учила девочку говорить по-русски.

Марго оказалась сметливой и способной ученицей. К удивлению учительницы, она уже через 2–3 недели довольно хорошо понимала по-русски и даже немного говорила на этом чужом ей языке.

После уроков приходила Нюра, прибежали деревенские ребятишки, те, что были помоложе (старшие работали в поле вместе со взрослыми), и все они гурьбою бежали в лес.

Славно было в лесу, в тени развесистых деревьев. Там затевались самые разнообразные игры, причем Нюра служила переводчицей между Марго и ее новыми друзьями. Потом, после полудня, они спешили к обеду в деревню, чтобы взять приготовленную там для старших незатейливую еду и отнести обед в поле работникам.

Малютка Марго бежала туда вместе с крестьянскими детьми.

Все Дерябкино — так называлось село — знало девочку. Ее жалели, ей сочувствовали. Часто какая-нибудь старая крестьянка гладила ее по головке и утешала:

— Ишь ты, сиротинка... болезная. Ну, Господь с тобой, живи с Богом. Он, Милостивец, сироток любит, не оставит и тебя.

Теперь Марго уже не дичилась людей, не стеснялась их ласки. Она отлично понимала, как к ней относятся все эти добрые люди, и сама привыкла к ним.

Нередко на поле, пока обедали крестьяне, кто-нибудь из них давал малютке грабли, и она сгребала ими с самым серьезным видом сено.

Марго уже мало походила на прежнюю маленькую барышню из Парижа. Она сильно загорела, не меньше Груни и других ребятишек.

Олимпиада Львовна сшила ей сарафан ярко-красного цвета, подарила ей платочек на голову, заплела ее локоны в черную косу, и этот костюм, как нельзя более, шел к черненькой головке и большим, как черные сливы, глазам Марго.

— Вишь, наша-то француженка ровно никогда француженкой и не была... Совсем как своя сестра-крестьянка стала у нас, — поглядывая на Марго, говорили ее деревенские знакомые.

Малютка понимала их, кивала головой и улыбалась, показывая белые, как жемчуг, зубы.

Больше чем к кому-либо, Марго привязалась к доброй Олимпиаде Львовне, заботившейся о ней точно родная мать. Теперь уже малютка не называла молодую

учительницу как прежде «m-elle Липа», а просто «тетией», странно выговаривая на французский лад это русское слово. И первая фраза, выученная по-русски Марго, была:

— Я люблю тиебя, тетия Липа.

Марго часто говорила о матери с тетей Липой, расспрашивала ее о том, что делала мама перед катастрофой. Добрая девушка рассказывала малютке чуть не в сотый раз все подробности последних минут госпожи Бернар.

— Я в первый момент крушения поезда была так оглушена, что ничего не могла понять, — рассказывала ей Олимпиада Львовна. — Слышала только ужасный треск, шум и грохот. Потом что-то сильно надавило мне на грудь, и я потеряла сознание. Когда же я очнулась под обломками вагона, первое, что я услышала, был голос твоей мамы. Она была сильно изувечена и стонала, хотя находилась в бесчувственном состоянии. Не помню, как нас извлекли из-под обломков и отнесли на станцию. Я оправилась довольно скоро и уже не отходила от твоей мамы до самой ее кончины. Последние ее слова перед смертью были о тебе. Она поручила тебя мне на время и указала адрес семьи Гордовцевых, куда просила отправить тебя потом.

— Милая мама!.. Милая моя мамочка! — тихо шептала Марго.

Она уже не плакала больше при этих рассказах. Она понимала, что слезы не помогут, не вернут ей мамы.

Кроме тети Липы Марго привязалась и к отцу Паисию, и к его дочери Нюре. Ежедневн бежала она в домик священника, где вдовый отец Паисий жил со своей девочкой Нюрой. Теперь малютка Марго уже понимала по-русски настолько, что Нюре не приходилось больше быть переводчицей при разговорах со священником. И много хорошего, светлого почерпнула из этих разговоров Марго.

Через месяц малютка должна была ехать в далекий Петроград, в семью генерала Гордовцева, с письмом от Олимпиады Львовны, в сопровождении Ванюши, которого добрая учительница отправляла в столицу для дальнейшего обучения.

Способный, прилежный и умный мальчик очень заинтересовал Олимпиаду Львовну, и она уговорила Ванюшиных родителей отправить сына в Петроград.

С ним и должна была ехать малютка Марго в августе. А пока отец Паисий наставлял маленькую француженку, как жить, как вести себя у чужих людей.

Глава XII

Диковинная птица

Жаркий июльский полдень.

Горячее солнце страшно печет. Но в тени леса хорошо и прохладно.

На лесной полянке собрались дети. Нюры нет с ними, но зато Ванюша остался за старшего. Малютка Марго только что набрала всевозможных цветов и плетет из них красивые гирлянды. Груня, Анюта и Ганя помогают ей в этом. Мальчики сидят отдельную группой. Они чем-то сильно заинтересованы сейчас. Никитка и Алексаша поминутно поглядывают на небо и как будто таинственно совещаются. К ним подошли Ванюша, Сенька-большой и Сенька-маленький. Все они указывают пальцами вверх, в далекое небо... О чем-то оживленно болтают, чему-то смеются.

— А я тебе говорю — орел это! — кричит Никитка-шалун и так энергично запрокидывает голову, что засаленный картуз валится у него с головы.

— Никитка, голову потеряешь. Гляди, другая не вырастет! — острит Алексаша.

— Братцы, глядите, да это вовсе не птица, — вставляет свое слово Ванюша.

— Не птица, так что же? Кошка али корова, по-твоему, по небу бежит? — усмехается Сенька-большой.

— Корова по небу... Скажешь тоже, — хихикает Митюха.

Марго, заинтересованная разговором мальчиков, поднимает голову, смотрит на небо и видит: какой-то черный предмет с большими крыльями летит под самыми облаками. Марго всматривается пристальнее. Птица? Нет, не птица... Крылья белые... В середине темно... Ну, да, конечно, это — аэроплан. Марго даже знает, какой аэроплан. Она столько раз бывала с мамой на полетах воздушных машин в Париже, так интересовалась всегда узнавать, как называются эти машины-аэропланы — монопланами или бипланами, что умеет отличить их один от другого. И теперь, гордая своей опытностью в этом деле, она весело сообщает окружающим ее детям на своем ломаном русском языке, поднимая пальчик над головою и указывая им в небо:

— Этая... аэроплян... Я знай... Это в Париж видаль... Oui, Oui! C'est ça. C'est ça! Да да! — и она даже подпрыгнула от удовольствия и забила в ладоши.

— И впрямь аэроплан, братцы... Француженка наша правду говорит, — первый произнес умненький Ванюша.

— Верно, верно! — подхватили и остальные ребята.

Теперь все головы задрались кверху. Загоревшиеся жадным любопытством глазенки впились в бело-черную диковинную птицу, парившую высоко под облаками.

— Гляди, гляди, спускается ниже, братцы! На низ идет. Никак к нам сюда?... — захлебываясь от волнения, кричали, перебивая друг друга, ребяташки.

Действительно, описывая правильные и красивые круги в воздухе, воздушная машина приближалась к земле.

Замирая от нетерпения, дети ждали.

Вот все ниже и ниже спускается аэроплан... Теперь уже ясно слышен шум машины. Яснее видны белые крылья и сам авиатор.

В деревне и на поле его заметили тоже. Крестьяне прекратили работы и смотрели на спуск машины.

Вот зашумела еще сильнее диковинная птица. Еще немного и человек в теплой кожаной куртке и такой же фуражке замахал платком, сидя в своем крошечном помещении посреди белых крыльев.

— Ура! — закричал Ванюша, первый приветствуя появление авиатора.

— Ура! — подхватили за ним остальные школьники.

— Ура, русские дети! — ломаным языком крикнул со своей машины авиатор.

Еще несколько минут, и воздушная машина опустилась среди поляны.

Глава XIII

Авиатор

— Здравствуйте, добрые люди. Эта железная птица занесла меня к вам, — очутившись на земле и раскланиваясь направо и налево, сказал сбежавшимся со всех сторон крестьянам невысокий молодой авиатор.

Все жители села Дерябкина оказались вскоре в поле, посреди которого опустилась невиданная еще ими до сих пор машина. Женщины ахали, причитали, удивлялись. Мужчины самым подробным образом рассматривали машину и самого авиатора, смелого человека, примчавшегося к ним с облаков.

— Добрые люди, — на плохом русском языке произнес авиатор, — я спустился к вам потому, что у меня вышли все съестные припасы. И я твердо надеюсь, что вы дадите мне, конечно, за деньги, кое-чего съестного, чтобы я мог лететь дальше. Мой путь далекий, — я лечу из Петербурга в Париж.

Черноглазая маленькая девочка протиснулась вперед из толпы детей и бросилась к авиатору.

— Вы в Париж? Вы — француз? Парижанин? — залепетала девочка по-французски, хватая незнакомца за руку и глядя на него с восторгом.

— Да, я — парижанин, авиатор Жан Дюи. Но ты откуда взялась, малютка-француженка? — удивляясь этой необыкновенной встрече, произнес авиатор.

— О, — громко и быстро защебетала Марго, — как я счастлива!.. Как я счастлива!.. Вы мой соотечественник, вы тоже парижанин... Вы летите на мою родину... Вы завтра уже будете там... Ради Бога, возьмите меня с собой... Я не хочу ехать в Петербург... У меня там никого нет... Чужая семья ждала там меня с моей мамой. Но моя мама погибла во время крушения поезда. А я не хочу туда ехать одна... Я хочу на родину, в Париж... У меня там есть близкие, Поль и его дедушка Ришар. Вы их не знаете? Господин Ришар служит на одной фабрике. Я им писала, что умерла мама, что я одинока... Они ответили мне, что хотели бы приютить меня у себя, что покойная мама, наверно, ничего не имела бы против этого. Я недавно только получила от них письмо... Так возьмите же меня к ним в Париж, прошу вас, возьмите! Тут я так одинока!..

Марго сложила ручки и молящими глазами смотрела авиатору в лицо. А он молчал, не зная, что ей ответить, что сказать.

— У кого живет теперь эта девочка? — обратился он к окружавшим его крестьянам.

— У учительницы Олимпиады Львовны... Да вот она и сама бежит сюда, — ответили крестьяне.

Действительно, сюда быстро приближалась Олимпиада Львовна. Появление аэроплана заинтересовало молодую учительницу, и она поспешила на место спуска авиатора.

Марго, завидя ее, кинулась ей навстречу.

— Тетя Липа... Тетя Липа... — лепетала она, — отпустите меня с этим господином на родину в Париж... К Полю... и его дедушке Ришару... Я хочу на родину... Я хочу в Париж... Я не хочу ехать к Гордовцевым... Я их не знаю... Они чужие... А дедушка Поля хороший и добрый... Он всегда так добр был ко мне. О самом Поле и говорить нечего. Вы же читали их письмо, присланное на прошлой неделе. Они зовут меня туда, вы же знаете. Отпустите же меня... Бог вам пошлет счастье за это... — со слезами на глазах молила Марго.

Олимпиада Львовна ничего не поняла в первую минуту. Она видела только, как волнуется девочка, и сама взволновалась не менее Марго.

Объяснил все Жан Дюи. Он подошел к учительнице, назвал себя. Его имя уже гремело по свету. Это был знаменитый, известный всему миру авиатор.

Он рассказал Олимпиаде Львовне, зачем он спустился тут, с какой просьбой обратился к крестьянам и о чем хлопочет маленькая француженка.

Учительница то краснела, то бледнела от волнения и, наконец, собравшись с мыслями, произнесла, обращаясь к Марго:

— Ты хочешь оставить нас, малютка, и возвратиться на родину?.. Это вполне понятное желание. Но... твоя мама распорядилась иначе, она поручила тебя мне, моим заботам. Правда, она перед смертью сожалела, что взяла тебя с собой, сожалела, что не оставила тебя у старика Ришара и Поля в Париже. Значит, твоя мама, если бы жила, была бы рада твоему возвращению в Париж. Но пустить тебя лететь на аэроплане я не могу. Ты знаешь, что воздушный путь очень опасен. Авиаторы часто падают со своими машинами и разбиваются насмерть.

— О, что касается этого, — вмешался Жан Дюи, — вы не беспокойтесь... Я достаточно опытен, чтобы не подвергнуть малютку опасности воздушного пути. Я уже совершил два таких полета с пассажирами и, уверяю вас, малютка будет в полной безопасности среди облаков.

— Да, но ведь могут быть случайности, — возразила Олимпиада Львовна.

— Но разве не может быть случайностей и в поезде, и на пароходе?.. Сама малютка сообщила мне о случайной гибели в поезде. Не так ли? Вот идет сюда ваш русский священник, посоветуйтесь с ним, пусть он скажет, отпустить со мной девочку или нет...

Последние слова Жан Дюи произнес уже в присутствии отца Паисия, подошедшего со своей дочкой Нюрой. Авиатор почтительно поклонился ему, рассказал вкратце о просьбе девочки, показал имевшиеся при нем бумаги и документы, из которых видно было, что он — опытный авиатор, совершивший на своей машине много полетов.

Отец Паисий пригласил авиатора к себе отдохнуть и закусить перед дорогой.

Пригласил туда же и Олимпиаду Львовну и некоторых старых крестьян, чтобы обсудить совместно — отпустить в Париж с Жаном Дюи маленькую француженку или нет.

Долго длилась беседа в домике отца Паисия. Дети и сама Марго ждали решения своей судьбы в палисаднике.

Но вот на крылечке показалась Олимпиада Львовна. Глаза ее были заплаканы. Лицо расстроено. Она подошла к девочке и крепко обняла ее.

— Мы решили отпустить тебя, крошка... — произнесла она далеко не спокойным голосом. — Жан Дюи — надежный человек и прекрасный опытный авиатор. Только слушайся его во всем во время пути... Когда вы достигнете Парижа, он обещал уведомить нас тотчас же телеграммой о благополучном вашем прибытии. Пиши почаще, малютка, и помни, что и в бедном русском селении у тебя есть большие друзья, которые тебя будут всегда любить и помнить. А теперь ступай к отцу Паисию. Он хочет благословить тебя перед дорогой.

Поцеловав от всего сердца обрадованную девочку, Олимпиада Львовна взяла ее за руку и повела в дом.

Отъезд Жана Дюи с Марго был назначен через несколько часов.

Глава XV

Малютка Марго поднимается за облака

Все село высыпало на большую поляну провожать маленькую француженку.

Каждый принес ей что-нибудь на дорогу: кто парочку печеных яиц, кто жареного цыпленка, кто просто свежего домашнего хлеба.

Олимпиада Львовна плакала. Бабы тоже вытирали слезы на глазах, жалея девочку.

Дети с жадным любопытством ловили каждое движение авиатора, заканчивавшего последние приготовления к отлету.

Марго же была очень весела. Она то ластилась к Олимпиаде Львовне, к которой она уже успела сильно привязаться, то подходила к отцу Паисию и Нюре и выслушивала советы священника.

Тут же собрались все ее друзья: Ванюша, Груня, Никитка и другие.

Вот, наконец, все готово. Жан Дюи подошел к собравшейся на поляне толпе и, сняв свою кожаную фуражку, стал прощаться со священником, Олимпиадой Львовной и крестьянами.

— Ну, малютка, пора садиться, — сказал он Марго.

Последние объятия, поцелуи, наставления, советы...

— Сиди смирно, Марго, не высовывайся через край машины. Будет холодно там высоко в небе, дай, я укутаю тебя платком, — говорил летчик своей маленькой спутнице, усевшейся у него в ногах.

Олимпиада Львовна еще раз бросилась к малютке и поцеловала ее.

— Будь умницей, Марго, не забывай нас... пиши! — прошептала она сквозь слезы.

— Как прилетите в Париж — телеграфируйте тотчас же. Я записал адрес в вашу записную книжку, — сказал отец Паисий.

— Да, да! — поспешил ответить Жан Дюи. — Тотчас же, как прилетим, дадим вам депешу сюда.

Зашумела машина аппарата, и воздушная птица, пробежав по полю, стала плавно подниматься в воздух. Вот все выше и выше парит она над Дерябкинским полем, вот все меньше и меньше делается она в глазах людей.

Мальчишки кричат «ура!» и машут шапками.

Еще выше взлетела к облакам воздушная птица. Жан Дюи управлял машиной. Малютка Марго притихла на своем месте, не отрывая глаз от бегущих впереди облаков. Хорошо было на душе Марго.

Последние объятия, поцелуи, наставления, советы...

Аэроплан несся с быстротой ветра высоко-высоко над землей, над домами и деревьями, полями, оврагами и холмами... Над головою девочки синело небо... Внизу клубились облака.

Скоро стало холодно. Марго съежилась на своем месте.

— Закутайся хорошенько, малютка, и сиди смирно. Через несколько часов мы будем в Берлине, — произнес летчик, продолжая управлять машиною.

Девочка немедленно исполнила то, что посоветовал ей авиатор. У нее на душе было очень хорошо. Она только и думала о том, что скоро-скоро увидит маленького Поля, родину, Париж...

Далеко внизу извивалась широкая синяя полоса.

— Это — река, — пояснил Жан Дюи малютке.

Но Марго уже не видела ничего. Глаза ее слипались... Легкий ветерок, лаская лицо, навевал сладкие грезы. И девочка, мерно укачиваемая движениями машины, крепко уснула на своем месте.

Глава XVI

Опасность

Марго проснулась от каких-то толчков.

Что-то сердито шумело перед самыми ее ушами.

Она открыла глаза. Был вечер, когда она уснула, а теперь стояло серое холодное утро. Значит, она проспала беспробудно всю ночь.

«Почему, однако, машина идет не так плавно, как вчера, а толчками?.. Почему у авиатора такое бледное, расстроенное лицо?» — подумала вдруг Марго.

Вокруг гудит и воет ветер... Носятся черные, черные тучи... Ничего, кроме туч, не видно, ни вблизи, ни вдали.

— Куда мы летим? — с испугом спрашивает Марго.

— Мы летим обратно, малютка... слишком силен встречный ветер... Крепнет с каждой минутой. Нельзя бороться против него. Приходится повернуть назад.

— Ах! Значит, мы не скоро попадем в Париж? — вздохнув, произносит девочка, и у нее становится на душе тяжело-тяжело.

— Закуси хорошенько, подкрепи свои силы, — советует ей Жан Дюи, — да закутайся, теперь холодно... Настоящая зимняя стужа... Бррр...

В корзинке заботливыми руками Олимпиады Львовны уложена провизия: холодный цыпленок, тартинки, хлеб. Марго, не шевелясь, протягивает руку к летчику, кладет ему что-то в рот и ест сама.

А машина все больше и больше качается в воздухе, делает скачки прыгает и дрожит, словно живая.

Жан Дюи без устали следит за работой машины... Лицо у него сосредоточеннее и бледнее прежнего. Он давно уже раскаивается в том, что взял девочку с собой.

А ветер все крепчает и крепчает. Далеко назад отнесло машину.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Еще несколько часов проходит в мучительной борьбе человека с ветром...

— Надо спуститься на землю... — говорит Жан Дюи, когда наступил второй вечер их воздушного путешествия.

Марго, затихшая в своем уголку, вся дрожит, чувствуя опасность.

Жан Дюи направляет машину так, чтобы она спустилась на землю. Но это не удается. Аэроплан то ныряет, то подсакивает... Ветер относит его все больше в сторону, где внизу шумит море... прыгают волны...

Отважный летчик старается всеми силами направить аппарат к берегу, но ветер, точно назло, увлекает воздушную птицу к воде, к морю...

С ужасом видит авиатор, что его аэроплан несется прямо туда... Теперь он ничем не может уже его остановить...

— Молись Богу, малютка, мы можем погибнуть, — говорит он, обращаясь к Марго.

И лицо его становится печальным и торжественным в эту минуту.

Вдруг отчаянный треск раздается в машине... сначала на один бок, потом на другой сильно наклоняется она и летит вместе с пассажирами в темные, бушующие волны моря.

В первую минуту Марго теряет сознание... Но прикосновение холодной воды заставляет

девочку очнуться... Она чувствует, как, крепко прижимая ее одной рукой к груди, Жан Дюи другой упорно и сильно борется с волнами. Оглушенная падением, Марго чуть жива... Откуда-то издалека доносятся до нее крики... Кричит не один человек — много людей. Она ничего не понимает, не может различить, что им кричат люди из большой черной лодки, плывущей навстречу.

А ее спутник, выбиваясь из последних сил, борется с волнами, не выпуская ее из рук... Но вот его движения все тише, все слабее...

«Сейчас мы утонем»... — проносится быстрая мысль в голове девочки, и она снова теряет сознание...

Когда Марго опять приходит в себя, то с удивлением озирается вокруг.

— Где я? Что со мной? — шепчет она тихо.

Большая, светлая комната... Целый ряд чистых белых кроватей... Какие-то девушки, в белых передниках с красными крестами на груди и с белыми косынками на головах, скользят между кроватями, на которых лежат дети всех возрастов.

Марго хочет приподнять голову с подушки и не может: голова такая тяжелая, точно налита свинцом; хочет Марго двинуть рукой и тоже не может — ужасная слабость сковывает все тело... В усталой головке ползет целая вереница мыслей... Какие-то обрывки воспоминаний. Страшная картина гибели...

— Где я? — снова шепчет Марго, испуганная новой обстановкой, в которую она попала.

К ней подходит девушка в переднике, с красным крестом на груди.

— Милая малютка, — говорит она по-французски, наклоняясь над нею, — не бойся ничего. Ты среди друзей, в детской больнице. Ты не совсем здорова... Поправишься, тогда я объясню тебе, как ты попала сюда.

— А monsieur Жан? Где он? — с усилием спрашивает Марго. — Он умер? Утонул в море?

— О, нет. Он навешает тебя ежедневно все эти две недели, что ты лежишь у нас. Придет и завтра утром, ты его увидишь.

— Так, значит, я здесь уже две недели? Значит, я была серьезно больна? Но как же я сюда попала? — слабым голосом допрашивает девушку Марго.

Но той было строго запрещено разговаривать с серьезно больными. Она только прикладывает палец к губам, приглашая Марго молчать.

Да и сама малютка не может говорить больше, хотя ей еще хочется расспросить о многом. Снова непреодолимая слабость сковывает ее руки и ноги. И снова Марго впадает в забытие.

Глава XVII

Выздоровление. Опять Жан Дюи. Поручение в Париж.

— Ну, вот, мы, кажется, поправляемся. Здравствуй, крошка, — говорит вошедший только что в большую палату детской больницы Жан Дюи.

Марго сидит на своей кровати, обложенная подушками. Она так похудела за время болезни, что ее трудно узнать. Глаза, и без того большие, стали прямо огромными.

Жан Дюи не может без тоски смотреть на больную девочку. Он уже дал знать в село Дерябкино о происшествии с ними и ждал оттуда письма, куда доставить девочку. Сегодня письмо это получено от Олимпиады Львовны.

Чтобы как-нибудь порадовать малютку, он приносит ей ежедневно то апельсин, то плитку шоколада, то хорошенькие открытки или книжку с картинками.

Сегодня он издала протягивает ей небольшую коробку для бумаги с изображением парижской улицы.

— Ах, Париж! — вскрикивает Марго радостно, увидя знакомый вид, и хлопает в ладоши.

Жан Дюи опускает руку в боковой карман и извлекает из него целый ряд открыток с другими видами Парижа.

Малютка Марго задыхается от восторга. Вот и их улица... Здесь она ходила в школу с Полем... Там — на рынок с Бланшетой... По этому кварталу в церковь с Полем и мамочкой.

Девочка в восторге. Ее щечки порозовели, глазенки горят.

Жан Дюи, видя, что настроение больной улучшилось, приступил к Марго с давно заготовленным им разговором.

— Ну, что малютка, ты чувствуешь себя лучше?

— О, да! Я снова могу лететь в Париж, хоть сейчас.

— Но ты разве не знаешь, что моя машина разбилась и потонула в море... Если бы не подоспевшие рыбаки, которые вытащили нас с тобой и взяли в лодку, мы бы давно лежали на морском дне. Нет, малютка, вторично подвергнуть тебя такой опасности я не смею. Да и машина у меня теперь другая, на ней одно только место. Я же должен лететь снова в Париж. Завтра же я улетаю отсюда... В Париже я разыщу старого Ришара и Поля, твоих друзей, и расскажу им все случившееся с тобой. Они приедут за тобой и возьмут тебя к себе. Я получил от твоих друзей из Дерябкина указания, что делать. А пока ты останешься здесь, сначала в детской больнице, потом тебя отвезут в дом генерала Гродовцева, о котором говорила мне твоя учительница. Будь же умницей, малютка, и жди твоих друзей со спокойным сердцем. Они скоро приедут за тобой.

— О, да... конечно... я сделаю все, что вы желаете, если Поль со своим дедушкой возьмут меня отсюда! — крикнула в ответ Марго.

— Разумеется, малютка, возьмут... А пока, что мне передать им от тебя?

— Передайте Полю, что я жду его... Что я не забыла его, что хотя подаренная им мне на память книжечка и пропала во время крушения поезда со всеми моими вещами, но я и без этого подарка о нем буду помнить всегда, всегда.

Черные глазки Марго взглянули печально на авиатора.

— Ах, как бы мне хотелось с вами в Париж! — чуть слышно произнесла малютка.

Но Жан Дюи не мог согласиться на это. Он боялся вторично подвергнуть опасности девочку. Утешив ее, он стал прощаться. С отеческой нежностью обнял он малютку.

— Вот тебе от меня маленький подарочек, Марго, — произнес он и сунул под подушку больной несколько золотых монет. Затем, поручив малютку заботам, сестер милосердия детской больницы, он поспешно вышел из палаты, провожаемый до порога печальным взором Марго.

Глава XVIII

Новые знакомые

— Гкхы... Гкхы... Гкхы... У меня болит грудь... Гкхы... Гкхы... Гкхы...

— У меня ломит ногу... Ай, как ломит!.. Ай-ай-ай!..

— Пить, дайте мне пить...

— Не могу больше терпеть — больно. Голова болит... Положите мне что-нибудь на голову...

С самого раннего утра эти стоны и крики будят Марго, не дают ей спать. У нее самой ничего не болит, она выздоравливает. Зато вокруг нее, на соседних койках, лежат маленькие больные дети.

Ближе всех Петька. Он сильно простужен и страшно кашляет. Он не дает покоя здесь никому. Петька — очень раздражительный больной. Все его считают капризным и несносным. Всегда он всеми и всем недоволен, ноет и ворчит целый день. Сестра милосердия из сил выбилась с ним. Петька замолкает только в то время, когда у него во рту есть что-нибудь сладкое. Он всем надоел своим нытьем и капризами, и никто его не любит в больнице.

Зато по другую сторону Марго лежит милая терпеливая десятилетняя девочка. У нее постоянно болит голова. Но девочка не жалуется. Это — маленькая цветочница, то есть ученица из мастерской, где делают бумажные цветы. Ее зовут Маша.

Маша видела, как привезли полуживую Марго в больницу. Почему-то Марго ей с первого же дня очень понравилась, и Маша полюбила маленькую француженку. Когда Марго стала понемногу приходить в себя и поправляться, Маша, сама еще больная и слабая, трогательно ухаживала за бедной француженкой, у которой тут не было родных.

Марго уже умела довольно сносно говорить по-русски: она рассказала товарищам и подругам по больнице обо всем, что с ней случилось. Рассказала о крушении поезда, о смерти мамы, об учительнице села Дерябкино, об авиаторе Жане Дюи, о воздушном путешествии и об их падении в море. Все это было так необыкновенно, что маленькая француженка сразу заинтересовала своей судьбой всех находившихся в палате детей.

Ее упрашивали повторить все ее приключения. Марго рассказывала без конца, а дети жадно слушали ее.

Один Петька насмешливо улыбался и недоверчиво покачивал головою.

— Все-то она врет! А вы развесили уши, глупые! — сказал он, однажды, когда дети обступили маленькую француженку, расспрашивая о подробностях всего происшедшего.

— Я никогда не вру, — покраснев, заметила строго Марго.

— Ну-ну. Скажешь тоже. Соврешь — недорого возьмешь, — поддразнивал ее Петька.

— Ты — злой, Петр! Марго еще маленькая, где было ей придумать то, что она рассказывает? — заступилась за девочку цветочница Маша.

— Ну, да, не придумать! Девчонки сумеют выдумать все, что хотят, — сердито проворчал мальчуган.

— Знаешь, почему он сердится? — обратилась после этого Маша к Марго — потому, что ты никогда не угощаешь его конфетами, а мы все всегда делимся с ним тем, что у нас есть.

— Но... у меня нет конфет, — вздохнула Марго.

— Зато у тебя есть деньги... Твой знакомый оставил тебе. Попроси сиделку купить шоколаду или мармеладу и угости Петьку. Он только тогда и бывает спокоен, когда ест что-нибудь.

— Хорошо, я попробую, — согласилась Марго.

В тот же вечер она попросила сиделку сходить за леденцами и пастилой, дав ей на это одну из золотых монет, которые ей оставил Жан Дюи.

Петька из-под одеяла следил за Марго и заметил, откуда она взяла деньги. Заметил он также, сколько у нее осталось под подушкой золотых монет... Петька был маленький уличный бродяжка. Родители его давно умерли, и некому было воспитывать мальчика и удерживать его от дурных поступков. Он жил одно время у сапожника в ученье, но убежал оттуда и слонялся по улицам, нищенствуя с другими несчастными уличными детьми.

Оборванный, почти босой, проводил он целые дни без приюта, а ночевал где-нибудь на глухой, безлюдной улице под забором. Зимой, во время сильных морозов, Петька простудился и заболел. Он сидел на улице и весь трясся. Прохожие его заметили, стали расспрашивать, что с ним, и отправили в детскую больницу.

Здесь Петька, поправившись немного, вел себя не лучше, чем на улице, бранился, ругался и даже крал мелкие вещи у других больных и сиделок.

Как больного, Петьку нельзя было слишком волновать выговорами и замечаниями: его здоровье было очень слабо. Но не было также никакой возможности терпеть его выходки и ссоры со всеми другими детьми.

— Если ты впредь будешь накидываться на детей, — грозила Петьке не раз сестра милосердия, ухаживавшая за больными детьми, — то я переведу тебя в отдельную палату. Ты будешь лежать и скучать там совсем один.

Этой угрозы Петька боялся больше всего. В отдельной комнате ему было бы ужасно скучно. В общей палате он развлекался, дразня того или другого ребенка, или наслаждался сластями, которые дети, помимо своего желания, давали ему, лишь бы он не мучил их. А там, в одинокой комнате, некому давать ему гостинцы. Вот почему Петька утихал при такой угрозе сестры милосердия и старался хоть некоторое время держать себя прилично.

Увидев деньги под подушкой Марго, он весь так и загорелся.

— Откуда у тебя золото? — жадно глядя на блестящие новенькие монетки, спросил Петька Марго.

— Мне их принес господин Жан в подарок, — отвечала девочка.

— Значит, с неба упало такое богатство? — засмеялся Петька. — А мне ничего не дашь?

— Эти деньги мне нужны на дорогу, я еду в Париж, — побледнев от испуга, залепетала Марго. — Я не могу их раздать и растратить. Я уже разменяла один золотой, чтобы купить тебе конфет... Больше не могу...

— Ну отдай мне хотя сдачу, что принесла тебе сиделка, — настаивал Петька.

— Это я могу тебе отдать, возьми... — и Марго протянула ему деньги.

Петька жадно схватил их и засунул под подушку.

Пришла сестра милосердия и велела всем укладываться спать. Огонь в лампе потух, вместо него сиделка зажгла ночник. Полная тишина воцарилась в детской больничной палате.

Глава XIX

Ночное происшествие. Угроза приводится в исполнение. Петька наказан

Уже поздно, но Марго не смыкает глаз...

Бред и стоны проснувшегося больного ребенка мешают ей заснуть. Марго вспоминает все то, что произошло с нею недавно... Мечты ее улетают в далекий Париж. «Теперь уже, наверное, авиатор Жан передал ее поручение Полю, — думает Марго, — Поль переговорил с дедушкой, и, может быть, они оба скоро приедут сюда, так скоро, что мне и не придется даже вступить в незнакомый дом Гродовцевых. Ах, как это было бы хорошо»!

Марго закрывает глаза, и ей кажется, что она уже видит и старого господина Ришара, которого она, как и Поль, называла дедушкой, и самого Поля, милого-милого и любимого теперь, после смерти матери, больше всех на свете. Вот он, как живой вырисовывается перед ней. Да, это он, это его глаза, улыбка, стриженные коротким ежиком волосы...

— Поль, ты?.. Наконец-то, я тебя вижу! — шепчет Марго, поверив тому, что ей только показалось.

Но, странное дело, этот Поль, стоящий сейчас перед ее кроватью, много выше ростом того Поля, которого она знала в Париже. Почему Поль закутан в одеяло и говорит совсем хорошо по-русски? Как это странно!.. Где он мог научиться русскому языку? Марго не понимает, что случилось, и спрашивает еще раз...

— Это ты Поль?

— Да, да, это я, Марго. Спи, пожалуйста, уже поздно, — ответил ей какой-то голос.

Удивленная, она приподнимается немного в постели. В тот же миг чья то костлявая рука, совсем не похожая на маленькую пухлую ручонку Поля, скользит мимо ее лица и что-то шарит у нее под подушкой...

Невольный страх прокрадывается в душу Марго.

— Ай-ай! — кричит он отчаянным голосом на всю палату, хватая пальцами костлявую руку. — Кто это? Ай-ай-ай-ай-ай-ай...

— Ай-ай-ай-ай! — отзываются проснувшиеся от крика Марго больные дети.

И вся палата вмиг наполняется шумом... Раздаются во всех углах испуганные крики, плач, визг. Просыпается и сиделка и зажигает лампу. Вбегает сестра милосердия, дежурившая ночью в соседней комнате.

— Что такое? Что за крики? Кто это кричит? Ты, Марго.

При свете зажженной лампы все стало ясно и понятно.

Петька, закутанный в одеяло, стоит у постели Марго. Девочка, сидя на кровати, крепко держит его за правую руку... Мальчуган старается вырвать свой кулак. В кулаке у него зажаты золотые монеты, которые он хотел утащить у Марго из-под подушки.

Испуганная, бледная малютка крепко вцепилась ему в руку и не выпускает ее.

— Он хотел... он взял деньги... Он просил вечером еще... Я отказалась дать ему... Он хотел взять тихонько... без спросу... О, Боже. Я услышала... и... закричала... — лепетала она, мешая в волнении русские и французские слова.

Сестра милосердия сразу поняла, в чем дело. Она строго взглянула на Петьку и суровым голосом произнесла:

— Воровать грешно и стыдно. Ты должен быть за это наказан. Маленькому воришке нет места между порядочными детьми. Сейчас же я переведу тебя в отдельную палату. Ты не останешься здесь ни часа. Но прежде отдай девочке деньги, которые ты взял от нее.

Красный, как рак, Петька швырнул на постель Марго золото и злобно прошипел.

— Ну, ладно же, когда так... Я тебе этого не забуду... Еще встретимся как-нибудь. Вспомнишь ты тогда меня, Петьку.

И сердитый и злобный пошел он за уводившей его сестрой милосердия.

Устроив Петьку в отдельной палате, сестра милосердия снова вернулась к Марго.

— У нас в больнице больным нельзя держать у себя деньги, девочка, — обратилась она к маленькой француженке, — ты должна была передать их мне. Тогда ничего этого и не случилось бы. Отдай мне все, что у тебя осталось. Когда выпишешься из больницы, получишь обратно все свои деньги.

Малютка Марго тотчас же исполнила это требование и доверчиво вручила сестре свое богатство. Ей было очень неприятно все, что случилось. Жаль было наказанного Петьку, досадно было и за свою неосторожность и за неумение хранить деньги. Об угрозе же Петьки Марго не думала вовсе. Какое зло мог ей причинить мальчик, с которым она, по всей вероятности, и не увидится больше никогда?

Все же беспокойная уснула в эту ночь Марго.

Глава XX

Марго выздоровела

— Платье... платок... ботинки... кофта... Все одето. Готово. Ну, с Богом! Сиделка Авдотья отведет тебя к господам Гродовцевым. Счастливый путь, Марго! — сказала сестра милосердия, выписав и провожая маленькую француженку из больницы.

— Смотри, больше никогда не возвращайся к нам сюда, — шутливо закончила она, когда Марго уже была на пороге.

Совсем уже одетая и готовая в путь, малютка Марго прощалась с больными детьми своей палаты. Особенно нежно она расставалась с Машей.

— Послушай, Маргоша, — говорила ей на прощанье маленькая цветочница, — если тебе покажется тяжело жить в генеральском доме, приходи ко мне... Я тебе написала мой адрес. Жаль только, что ты по-нашему не умеешь читать. Приходи прямо в цветочную мастерскую, где я живу. Хотя наша хозяйка и очень сердитая бывает порою, да на тебя она злиться не посмеет. Ты будешь у нас жить временно, пока за тобой не приедут из Парижа. И ты к тому же умеешь делать цветы...

— Да, мамочка моя учила меня вырезать из бумаги и склеивать розы, Иван-да-Марья, и другие цветы, когда сама делала их для продажи в Париже, — сказала Марго.

— Ну, вот... Ну, вот... Стало быть, не поживется в генеральском доме — прямо иди к нам.

— Хорошо, приду, — согласилась француженка.

Девочки обнялись крепко на прощанье и поцеловались.

Потом малютка Марго вышла следом за Авдотьей из больницы.

Прохладный августовский день встретил ее дождем и слякотью. К рукам Авдотьи была бумажка с адресом, врученная Марго еще Олимпиадой Львовной перед отлетом девочки с Жаном Дюи из села Дерябкина.

Авдотья была грамотная, и ей ничего не стоило отыскать дом, где жил генерал Гродовцев. Но прежде, чем ехать туда, необходимо было приодеть Марго. Платье ее порядочно поистрепалось и пострадало во время катастрофы с аэропланом; ботинки — не менее платья, а шляпа и вовсе пропала. Ее заменил платочек, подаренный еще в селе Олимпиадой Львовной.

— Необходимо тебе приодеться поприличнее. Не в деревню едешь, а в генеральскую семью, — сказала девочке Авдотья.

— Да, да, — немедленно согласилась Марго. — Только как же делать с деньгами? Я хотела отложить их на обратный путь в Париж?

— Ладно уж... — махнула рукой Авдотья, — коли приедут за тобой твои знакомые из Парижа, значит, и деньги с собой привезут. А вот одеться поприличнее, говорю, надо.

— Хорошо, я сделаю все, что следует. Отведите меня в магазин, — покорно согласилась Марго.

— Ну, в магазин-то не придется вести тебя, милая. Денег-то у тебя не больно густо. В рынок пойдем. Там все и купим, — снова решила Авдотья.

На рынке, где продавались поношенное платье, обувь и шляпы, Марго удалось найти все, что ей нужно было. Дешевенькое теплое платьице, высокие ботинки и скромная вязаная шапочка составляли теперь ее наряд. Кроме того расчетливой Авдотье удалось приобрести

пару детского белья на смену и простое, дешевое осеннее пальто для малютки. Денег, подаренных Жаном Дюи, хватило вполне. Осталось еще около полутора рублей, которые Марго и подарила Авдотье.

Та сначала стала было отказываться от подарка, но потом уступила усиленной просьбе Марго и взяла.

— Разве, что деткам куплю гостинчиков. Они неподалече живут отселе... Редко только видеть их приходится... Все время занята с больными... Вот кабы сегодня повидать их, гостинчиков им отнести, — улыбаясь говорила сиделка.

— Так идите к ним... Посадите меня на извозчика и ступайте... Я доеду одна, — предложила Марго.

На рынке Марго удалось найти все, что ей нужно было...

— Да куда же ты одна поедешь, такая крошка. Еще заплутаешься в чужом городе, — запротестовала Авдотья. — Нет, уж довести-то тебя до места я доведу.

И взяв за руку, она повела Марго по шумным петербургским улицам.

Вот они вышли на Невский, сели в трамвай, доехали до Литейного проспекта, а оттуда свернули уже пешком на Моховую. На Моховой улице и жили Гродовцевы.

— Вот дом твоих генералов, — произнесла Авдотья, заходя, наконец, в подъезд большого здания.

Маленький мальчик, должно быть, сын швейцара, открыл им дверь.

— Здесь генерал Гродовцев проживает? — обратилась к нему Авдотья.

— Здеся, — получился короткий ответ.

— И с Богом, подымайся по лестнице, Маргоша, а я к деткам своим поспешу. Небось, одна-то дойдешь до двери.

— В каком этаже генеральская квартира будет, скажи-ка, красавчик? — снова обратилась к мальчику Авдотья.

— Во втором, — отвечал «красавчик» со вздернутым, пуговицеобразным носом.

— Ну, будь здорова, Маргоша. Живи с Богом на новом месте. Спасибо за подарок. — И Авдотья, попрощавшись за руку с малюткой, быстро вышла из подъезда, оставив Марго как ей показалось в полной безопасности.

Глава XXI

О том, чего менее всего ожидала малютка

— Ди-ин-н-н-н-н-н-нь, — затрещал электрический звонок в квартире.

Марго стояла на площадке лестницы, прислушивалась к звукам электрического звонка, и ждала, что вот-вот перед ней откроется дверь.

Но не слышно было, чтобы кто-нибудь спешил к двери. В квартире было тихо и пустынно.

Марго позвонила еще раз.

— Ди-и-и-и-и-и-нь.

И снова прислушалась... Но снова было пустынно и тихо в генеральской квартире. Никто не шел на звонок.

Тогда Марго перегнулась через перила лестницы и позвала того самого мальчугана, который только открыл ей внизу дверь.

— Мальчик. Мальчик! Подите сюда.

Курносый «красавчик» с недовольным видом стал подниматься по лестнице во второй этаж.

— Чего вам надо?.. Зачем меня позвали? — проворчал он.

— Генерал Гродовцев дома? — спросила его Марго на своем плохом, не вполне понятном русском языке.

— А я почем знаю. Я намерен только из деревни приехал. Мамка и тятка знают. Вот вернутся из церкви, так уже скажут. Подождите малость.

«Какой нелюбезный мальчик, — подумала Марго. — Как он грубо разговаривает со мною»...

Ей хотелось тотчас уйти, но пришлось дожидаться швейцара. На площадке лестницы, перед дверью генеральской квартиры, стояло мягкое кресло. Марго, набегавшаяся по рынку с Авдотьей, была бы рада-радехонька отдохнуть в мягком кресле, но не решалась сделать этого без спроса.

— Можно? — указывая рукой на кресло, обратилась она к мальчугану, не успевшему еще спуститься вниз.

— Чего это? — не понял тот.

— Можно отдохнуть, посидеть немножко? — объяснила Марго.

— Сиди, сколько угодно. На то кресло и поставлено, чтобы сидеть на нем...

— Да, да... — согласилась Марго и опустилась в кресло, с видимым удовольствием забираясь в него все глубже и глубже.

— Да ты из каких будешь? Чухонка или татарка? — осведомился мальчик, не без любопытства оглядывая Марго.

— Нет, я француженка из Парижа, — с трудом поняв его, ответила девочка.

— А-а!.. Я Париж знаю, — важно произнес мальчик. — Утром мамка меня туда за кипятком посылала.

Марго засмеялась невольно.

— Нет, нет, это не тот Париж... Мой — дальше... Ты, должно быть, ходил в чайную или в гостиницу, которая называется «Париж», а я жила в городе Париже. Далеко отсюда, очень, — старалась она объяснить мальчику.

— А ты что-ж это без языка сюда приехала? — заметив, наконец, что девочка неважно говорит по-русски, сердито обрушился на нее маленький швейцар.

— Как без языка? — удивилась та.

— Да нешто это язык. Ведь понять-то тебя мудрено очень.

Сказав это, мальчик громко захихикал. Марго покраснела и ничего не ответила. А тот, ворча себе под нос, пошел вниз.

Марго еще глубже уселась в кресло и стала терпеливо ожидать возвращения швейцара. Ноги, измученные ходьбой, у нее болели; глаза слипались от усталости, голова сама клонилась на грудь, сон все властнее овладевал Марго, и не прошло и пяти минут, как она захрапела на лестнице в удобном мягком кресле.

Много ли, мало ли спала девочка — она решительно не могла сообразить, когда проснулась. А проснулась она от прикосновения чьей то руки к ее плечу. Она испуганно открыла глаза.

Перед ней стоял толстый человек в одежде швейцара.

— Вы к генералу Гродовцеву, барышня? — обратился он вежливо к Марго. — Нет генерала здесь... Уехал он со всем семейством не то за границу, не то — в имение к себе... Нам неизвестно. Вернется только поздно осенью.

— Как? Как? — вырвалось у Марго. — Ведь он ждал нас к себе... Звал, приглашал... Мы нарочно ехали сюда.

— Кто ехал? — спросил, ничего не понимая, швейцар.

— Я и моя мама. Она в гувернантки была приглашена к генеральским детям... И я с ней...

— Это верно. Это я слышал, что перед отъездом ожидалась сюда француженка с дочкой. Да по дороге случилось несчастье, обе будто погибли, — так писали в газетах. Очень сожалел генерал. А дети ихние тоже... А потом взяли другую гувернантку. И недавно уехали... — закончил добродушно швейцар.

Точно гром грянул над головой Марго.

«Взяли другую гувернантку»... «Уехали»... «Вернутся только осенью», — звучали в ее ушах страшные, совсем неожиданные слова.

— Что же мне делать теперь? Куда идти? — заплакала Марго и, как бы не понимая всего ужаса своего положения, спустилась бегом с лестницы, прошла мимо озадаченного сынишки швейцара, открывшего перед ней тяжелую дверь, и вышла улицу.

Глава XXII

На безлюдной улице

Выйдя из подъезда дома, где жил генерал Гродовцев, Марго пошла направо, потом налево и прошла по какому-то длинному мосту, освещенному электрическими фонарями. По мосту взад и вперед бегали вагоны трамвая.

Длинный мост кончился. Началась набережная. Здесь было гораздо тише и глуше, нежели по ту сторону реки. Здесь и дома были не такие высокие, как там. Все чаще и чаще попадались среди каменных домов маленькие деревянные строения. Здесь и народу было куда меньше, прохожие одеты были скромно, а подчас и очень бедно.

Пройдя еще немного, малютка Марго повернула в какой-то переулок. Потянулись заборы, за ними склады дров... Марго все шагала и шагала по узеньким панелям. Она сама не знала, куда и зачем идет. Одной рукой она тесно прижимала к груди сверток с бельем, которое ей купила сегодня Авдотья.

У длинного полуразрушенного забора одного старого дома, Марго увидела несколько человек, сидевших на земле. От всех пахло водкой; лица у них были красные, а глаза злые, злые. Они сидели молча, как будто кого-то поджидая. Марго стало страшно.

Она поспешила пройти мимо. Кругом было так глухо, что, казалось, будто улица эта не в Петербурге, а в каком-нибудь отдаленном провинциальном городишке.

Неожиданно Марго услышала за собою слова:

— Эй, девочка, остановись-ка... Поддай копеечку...

Это говорил один из сидевших на земле оборванцев, которые, заметив девочку, поднялись с своего места и пошли за ней.

— Вчера из больницы выписался, дай на лекарство копеечку... — глухо проворчал другой из них.

Испуганная француженка замерла на месте. Вокруг нее, словно из-под земли, выросла целая толпа оборванцев.

Марго совсем растерялась, долго молчала и лишь через несколько минут жалобно произнесла:

— У меня нет денег... Пустите меня...

— Ха, ха, ха! Так мы тебе и поверили! — залился хриплым смехом один оборванец. — Чтобы у такой разодетой маленькой барышни да не было ни копейки! Дудки, дудки! А это что у тебя?

— Это белье... Немножко белья, — прошептала в страхе девочка, вся холодея от ужаса.

— Для тебя, может, это немножко, а нам весьма достаточно будет. Давай сюда, мы посмотрим твой багаж, — пристал другой оборванец и выхватил у девочки сверток.

— А кстати сними-ка и пальто, барышня, куда оно тебе, а нам пригодится... — вмешалась приблизившись одна женщина.

Марго, ошеломленная, не двигалась с места, не могла проронить ни слова. А женщина, не дожидаясь, чтобы Марго исполнила ее приказание, быстро подскочила к ней и в одну минуту сорвала с Марго ее новое пальто.

— Вот так славная штучка! На три года хватит, — засмеялась она. — Не снилось моей Лизке такой обновки, ей-ей не снилось.

Но тут высокий оборванец подскочил к женщине и стал вырывать у нее из рук пальто

Марго.

— С чего ты взяла, что твоя дочка носить его будет? — закричал он сердито. — Сейчас же отнесем его и продадим, а деньги поделим поровну, чтобы никому обидно не было.

— Так я и позволю!.. Так я и позволю! — упрямылась женщина. — Так и отдам!.. Я отняла пальто с девчонки, значит, оно мое и баста!

— Как бы не так. Держи карман шире!

Оборванцы жарко заспорили, продолжая вырывать пальто друг у друга. Ссорились и ругались. Ссора скоро перешла в драку...

Проходивший городской услышал шум, остановился и подал свисток. Появился другой городской, а затем дворник. За ним второй, третий... К забору со всех сторон бежали люди...

— Это белье... Немножко белья... — жалобно произнесла Марго.

Вдруг высокий оборванец сильно дернул за руку Марго.

— Посмей только пикнуть, что с тебя пальто сняли и отняли сверток... Изувечу тогда... убью... А теперь беги отсюда, да живо... Беги бегом во всю прыть, не то тебе же хуже будет...

Сказав это, он так сильно толкнул Марго в спину, что та отлетела от него на несколько шагов.

Перепуганная угрозами оборванца, Марго бросилась бежать. Она мчалась теперь так быстро, как только позволяли ей силы.

Вот пролетела она один переулок и еще один... Перед ней вдруг какие-то деревья: не то

сад, не то роща... Наткнувшись в темноте на скамейку, Марго упала ничком и, совершенно измученная пережитыми волнениями и бегством, застыла так на широкой доске скамейки, окончательно выбившись из сил...

Глава XXIII

Приключения Марго продолжаются

Марго лежала на скамейке, не двигаясь.

— Гам! Гам! Гам! — услышала она вдруг собачий лай близко, близко от себя. Огромный пес мчался прямо к скамейке, на которой лежала Марго. Ей никогда не приходилось видеть такую большую собаку.

Девочка ужасно испугалась, вскочила со скамейки и бросилась бежать, издавая отчаянные крики.

За нею по пятам гналась страшная собака. Марго слышала, как собака дышала за ее спиной, как тяжело шлепали по аллее мохнатые лапы чудовища... Ноги, казалось, сама несли без оглядки мчавшуюся девочку.

«Сейчас нагонит... Укусит... Загрызет...» — думала Марго и, не чувствуя усталости, продолжала мчаться вперед.

Вдруг она на что-то налетела. Это был широкий пенёк, торчавший на краю дороги и не замеченный бежавшей без оглядки девочкой. Марго споткнулась, взметнула руками и, вскрикнув еще отчаяннее, еще громче, чем прежде, растянулась плашмя посреди аллеи.

В тот же миг горячее дыхание настигшей ее собаки обожгло ей руки и шею, а острые зубы вцепились в платье девочки.

— Ай! — вскрикнула не своим голосом Марго и закрыла глаза.

— Лорд! Лорд! Негодяй ты этакий! Не смей! Насмерть напугал ребенка! Я тебе задам за это! Лорд! — раздался над головой лежавшей девочки незнакомый мужской голос.

В ту же минуту чьи-то сильные руки приподняли ее с земли и поставили посреди аллеи, и чьи-то озабоченные глаза с тревогой заглядывали в испуганное, бледное личико Марго.

— Что с тобою, девочка? Ты ушиблась? Испугалась? — произнес не то взволнованно, не то радостно высокий человек в клетчатых брюках и темно-рыжем широком пальто. — Ну, ничего, ничего... Ушибла колено? Не беда, заживет. Не плачь, не плачь, бедненькая... Ведь слезы горю не помогут. Лучше говори скорее, где живут твои родители. Куда мне тебя отвести?

Марго доверчиво взглянула на высокого человека, который с ней говорил. Потом она перевела свой взгляд на пса-великана, как ни в чем не бывало растянувшегося у скамейки и добродушно похлопывавшего по земле своим длинным пушистым хвостом.

— Ха-ха! Ты любишься моей собакой? — снова заговорил высокий человек. — Она только на вид страшна, страшна своим ростом, но совсем не злая. Она еще очень молода и глупа, не может равнодушно видеть бегущего человека. Но это не важно. Скажи же, где твои родители, родные или знакомые?... Я должен это знать, чтобы доставить тебя к ним.

— У меня нет родителей... — вздохнула Марго.

— А родные?

— Тоже нет.

— Гм, гм... Есть... может быть, друзья?

— Увы, они в Париже.

— Прекрасно! Прекрасно! — неожиданно произнес незнакомец. — Да, это отлично, что ты одна-одинешенька на свете, что у тебя нет ни родной души... Отныне я сам буду твоим воспитателем; четверо мальчиков будут твоими братьями и четверо девочек — сестрами. С

ними ты станешь расти и воспитываться с этого дня... Мы дойдем сейчас до паровой конки, которая умчит нас в пригород Лесной. Там находится мой дом... А пока Расскажи мне, как ты попала сюда из Парижа и каким образом очутилась здесь на петербургских улицах ночью одна.

В это время собака стала тереться у ног своего хозяина, мешая ему ходить.

— Лорд, вперед! Не тереться у моих ног! Живо вперед! — прикрикнул он на собаку.

Лорд вскочил, завилял хвостом и бросился вперед.

Мистер Джон, как сам себя назвал незнакомец, крепко взял за руку Марго и, приказав ей все правдиво и подробно рассказать о себе, повел ее к месту, где останавливается паровая конка.

Марго, доверившись своему спутнику, рассказала ему все, что случилось с нею за последние месяцы.

Но время рассказа мистер Джон держал себя очень странно: он то прищелкивал языком, или пальцами, то как будто подпрыгивал на месте, то вдруг начинал потирать руки и весело улыбаться, несмотря на то, что все рассказываемое ему девочкой было весьма печально.

— Хорошо, хорошо! Прекрасно! Нельзя желать ничего лучшего... — бормотал он про себя.

Когда Марго закончила свой невеселый рассказ, мистер Джон положил ей на плечо руку и сказал:

— Итак, тебе идти некуда, ты останешься у меня. Сколько тебе лет, пять или шесть?

— Нет, мне скоро минет девять.

— Как? Такая букашка и тебе уже девять лет?

— Да, девять...

— Впрочем, и это хорошо! Тебе не холодно? Ты не устала?

Марго было очень холодно без пальто, которое стащили с нее только что грабители. Она также очень устала, но постеснялась сказать об этом своему незнакомцу-спутнику.

Мистер Джон, однако, сам понял, что ей холодно, что она утомлена, и, сняв с себя пальто, закутал в него с головою девочку, поднял ее на руки и понес.

Они поспели как раз во время. Паровик уже готовился двинуться с места.

Мистер Джон поднялся на площадку вагона, и оттуда приказал Лорду, оставшемуся на улице, не отставать от конки. Собака, по-видимому, поняла приказание своего хозяина. Через две или три минуты конка тронулась с места, а Лорд с громким лаем стрелою помчался за вагоном, где сидел его хозяин с маленькой девочкой.

Глава XXIV

Воспитанники и воспитанницы мистера Джона

В самом конце длинного переулочка дачной местности стоит небольшой домик. Здесь живут зиму и лето, круглый год. И круглый год в нижнем этаже домика по вечерам горит висячая лампа под широким зеленым абажуром, освещая восемь детских головок.

Это — воспитанники и воспитанницы мистера Джона, выдающего себя за знатного англичанина, приехавшего из Лондона. Но многие из соседей знают, что мистер Джон не только не знатный англичанин, но и вовсе не англичанин.

Впрочем маленьким детям решительно все равно кто их хозяин: англичанин или турок, швед или грек, русский или немец. Он их привел сюда в теплую уютную дачу прямо с глухих петербургских улиц, где они просили милостыню у прохожих, или из сырых грязных подвалов, где они жили впроголодь среди взрослых нищих. Он привел их сюда и поселил здесь, предоставил им сытую и хорошую жизнь.

Воспитывал мистер Джон детей по-своему. Он старался, чтобы дети знали грамоту и счет, и, в то же время заботился об их здоровье и учил их гимнастике. Обыкновенно у мистера Джона жило восемь человек детей. Случалось, что кто-нибудь из детей, соскучившись жизнью в дачном домике, убегал от мистера Джона; тогда мистер Джон приводил новых детей, подобранных на улице или уведенных из сырых грязных подвалов, где они страдали от голода и холода. И с этой целью он уезжал в город и бродил со своим «Лордом» по глухим улицам, выискивая бесприютных малышей.

В тот вечер, когда Марго явилась сюда, четыре мальчика и четыре девочки сидели за столом и занимались починкою платья.

Мальчики накладывали заплатки на свои куртки, девочки штопали чулки. Старшему мальчику, черноглазому Сене, которого его товарищи и сверстники прозвали татаринком за бритую, как шар гладкую голову, было лет двенадцать. За ним следовала девочка Ньюш-левша, умевшая шить и писать левой рукой. Был тут и Гаврюк, худенький милый болезненный мальчик, которого часто дразнили, называя барышней. Был плутоватый и лукавый Коля — буян и задира, которого и прозвали Буяном. Был совсем маленький семилетний Горька, отчаянный капризник и злюка, несмотря на свой юный возраст. Были, наконец, три девочки: десятилетняя Дуня — хорошенькая, очень гордая; Таня по прозвищу Царевна-неулыба, и Яся, имевшая очень скверную привычку доносить своему хозяину и воспитателю обо всем, что ни делалось в домике.

Дети, занятые работой, то и дело, поглядывали на дверь.

— Что-то он долго нынче... Должно быть, кого-нибудь приведет, — промолвила Дуня.

— Нет, видно, нынче никого не приведет: недавно только Гаврилку приютил, — возразила Ньюша, продолжая ловко работать иголкой.

— Эй вы, девчонки, время самовар ставить. Марш которая-нибудь на кухню, — скомандовал вдруг Коля-Буян.

— Командир какой, подумаешь!.. — обиделась Яся. — Нынче не наша очередь, вы, мальчишки, дежурные всю эту неделю.

— Вот и врешь! — вмешался Горька, вытягивая вперед свою лисью остроконечную мордочку. — Прошлая неделя была наша, а таперича ваш черед!

— Как бы не так! — отрезала Яся. — С места не двинусь и другим не велю!

— А я тебя силком стащу с места! — закричал Коля-Буян.

— Попробуй! — угрожающе протянула Яся.

— Да не ссорьтесь вы, ради Господа, — вмешался Сеня-татарин. — Слушать тошно, каждый вечер ругаетесь, ну вас! Пойду и поставлю самовар.

— Пойдем, Сеня, я пособлю тебе. — вскакивая с своего места, предложила Дуня.

Но Яся и Коля ничего уже не хотели слушать. Как два разъяренные петушка наскakивали они друг на друга. Коля-Буян, весь красный, с круглыми злыми глазами, сжимая кулаки, подступал к Ясе.

— И стащу тебя на кухню... за вихор стащу. И самовар ставить заставлю и кашу разогревать!.. — кричал он на всю комнату.

— Попробуй, тронь только...

— И попробую, и трону!

— А ну-ка, тронь...

— А вот, трону...

— А тронь...

— И трону!

— Ну...

— Вот!

Рука Коли-Буяна протянулась к головке Яси. Не успел мальчик дотронуться до нее, как Яся завизжала, закричала так, что всем страшно стало. Даже стекла как будто зазвенели от этого крика.

В тот же миг широко распахнулась дверь, и в комнату, как вихрь, сначала влетел громадный «Лорд», а за ним вошел мистер Джон, держа на руках девочку.

Глава XXV

Странный хозяин

— Что за гвалт? Замолчать сию же минуту, — загремел мистер Джон на весь дом, едва переступив порог комнаты. А Яся при появлении хозяина нарочно заплакала громче и жалобнее чем прежде.

— Яся, что ты? Кто тебя обидел? — озабоченно и тревожно обратился мистер Джон к девочке и быстро спустил на пол удивленно поглядывавшую на детей Марго.

— Кто тебя обидел? — еще раз обратился он к Ясе.

— Колька-Буян... Меня хо-тел за во-ло-сы оттащить... За ви-и-и-хор схва-а-тил меня... Ми-и-и-стер Джон... — продолжая всхлипывать и надрываться в слезах, обиженным голосом пробурчала она в ответ.

— Коля? Да? Николай, поди сюда! — грозно крикнул хозяин домика. — Поди-ка сюда!

Дети, толпившиеся вокруг Марго и с любопытством ее разглядывавшие, решили заступиться за товарища.

— Нет, нет, Коля не виноват нынче, мистер Джон. Он не трогал Яси, он только руку протянул, а она как завизжала... — торопливо поясняли они.

— Ровно поросенок, — высунувшись из-за плеч своих сверстников, прибавил Коля, до сих пор прятавшийся от хозяина в углу.

— Молчать! Я все знаю! Вы всегда все обижаете Ясю! — прикрикнул на детей мистер Джон и снова обратился к Коле, который, испугавшись грозного вида хозяина, опять юркнул в угол.

— Марш сюда! Ты будешь наказан...

— Мистер Джон... — взмолился Буян.

— Тебе говорят... Сюда!

Не повторяя больше своего приказания, мистер Джон шагнул к Коле и схватил мальчика за плечи. Коля и опомниться не успел, как взлетел высоко на воздух, подброшенный хозяином.

— Ступай наверх, если внизу не умеешь уживаться!

— О, только не наверх, мистер Джон, только не наверх! — опять взмолился Буян плаксивым тоном.

— Нет, наверх, наверх, сию же минуту!

И все еще высоко держа над головой Колю-Буяна, мистер Джон вскочил на стул, оттуда прыгнул на стол и, напряженно вытянув руки, посадил мальчика на верхушку высокого платяного шкафа, стоявшего у самых дверей.

— Вот так! Сиди тут, пока мы будем ужинать, — грозя пальцем, обратился он к Коле.

Все это произошло так быстро, что никто и опомниться не успел. А через минуту, как ни в чем не бывало, мистер Джон уже был спокоен, добр и ласково говорил детям, указывая на Марго:

— Вот вам новая товарка и подруга. Кто ее обидит — будет наказан. Надеюсь, никто из вас не захочет отдыхать на шкафу во время ужина и обеда. А теперь несите самовар и кашу, живо марш!

Глава XXVI

Маленькая хитрость. Ночь в домике мистера Джона

Дуня, Ньюша-левша и Таня принесли из кухни дымящуюся миску с кашей, тарелки и ложки, и поставили посреди стола. Дети и хозяин заняли свои места и принялись с аппетитом уничтожать вкусную похлебку.

Малютку Марго мистер Джон посадил возле себя. Девочка, пережившая за этот день столько волнений, до сих пор совсем не чувствовала голода. Но аромат вкусной, жирной от масла гречневой каши напомнил ей о том, что она весь день ничего не ела. И Марго за ужином не отставала от остальных детей, не сводивших глаз с тарелок.

Тот же вкусный аромат раздражал и наказанного Колю-Буяна. Он свесился головой со шкафа и с жадностью поглядывал на миску, в которой дымилась каша. Есть ему хотелось страшно, но не было никакой надежды быть прощенным до конца ужина.

Мистер Джон бывал неумолим в таких случаях и доводил наказание до конца.

Однако, Коля стал придумывать, чем все-таки умиловить хозяина и добиться разрешения сойти вниз. Вдруг блестящая мысль пришла в голову мальчика. Он соорудил самую несчастную рожицу, изобразил на своем лице жалобную плачевную гримасу и громко застонал, схватившись обеими руками за живот.

— Ой-ой-ой... Больно... Ай-ай-ай, как больно! Ай-ай, ой-ой!

— Что такое случилось? — подскочил на стуле мистер Джон.

— Живот заболел, мистер Джон, — раздалось в ответ со шкафа. — Мочи нет, как болит.

— Гм... Гм... У тебя заболел живот?

— Страсть, как болит... Ой-ой-ой! — застонал снова, Коля-Буян.

— Вот, как! С чего это вдруг? Ну, ничего не поделаешь, слезай, раз так болит.

Этого только и ожидал Коля. С ловкостью кошки, вцепившись обеими руками в карниз, прыгнул он на пол. Очутившись внизу и предполагая, что хозяин забыл уже все, он подошел к столу, взял свою ложку и протянул руку к каше.

— Нет, мой милый, этого нельзя. Раз у тебя болит живот, ты должен воздержаться от пищи, — остановил его мистер Джон.

— Но... но... — залепетал Коля, убедившись, что его хитрость ни к чему не привела.

— Да, — повторил мистер Джон, — нельзя есть кашу, когда живот так болит. Сенья сейчас пойдет в аптеку и принесет тебе касторового масла на десять копеек. Это будет тебе вместо каши.

— Я касторки не хочу, не могу взять ее в рот... Гадость это! — захныкал было Коля.

— Ну, любезный, если ты сам не сможешь взять в рот лекарство, — спокойно произнес мистер Джон, — так мы его тебе вольем. А теперь, Сенья, марш в аптеку, а ты, Николай, ложись в постель и жди лекарства! Больные не должны быть на ногах.

Делать было нечего. Бедному Буяну пришлось лечь в постель голодным и, будучи совершенно здоровым, выпить отвратительное лекарство, принесенное из аптеки.

— Ничего, мой милый! — спокойно повторял, видя его гримасы во время приема касторового масла, мистер Джон. — Пусть голод и касторка отучат тебя врать.

Ровно в десять часов вечера тушили свет в домике мистера Джона, и все укладывались спать. Девочки спали в одной комнате, мальчики с хозяином в другой. Прислуги мистер Джон не держал; дети сами готовили себе обед, мыли и убирали комнаты, стирали белье,

штопали чулки, чинили одежду.

Лорд исполнял обязанность ночного сторожа и после ужина, который он всегда аккуратно получал, отправлялся на двор стеречь домик.

Четыре очень скромные жесткие кровати стояли возле стен в комнате девочек. Марго постлали постель на диване. Отсюда она хорошо видела, как долго Ньюша-левша стояла на коленях и, отвешивая земные поклоны, усердно крестилась левой рукой, видела, как куда-то, стараясь быть незамеченной, прошмыгнула из комнаты белобрысая Яся.

— Это она пошла на кухню. Каждый вечер ходит она туда, говорит, чтобы убирать посуду, а на самом деле, только чтобы все хозяйину рассказать, все, что делается у нас. Уж такая она сплетница, — шепотом сообщила Марго Дуня, присаживаясь на край дивана.

Между девочками завязался разговор. Дуня начала расспрашивать Марго, кто она такая, откуда взялась и как попала к мистеру Джону.

Марго рассказала все без утайки.

К ним присоединились Таня и Ньюша-левша и внимательно слушали невеселую повесть новенькой девочки.

— Так вот ты кто! Не нищая, а барышня! — протянула Дуня удивленно. — Ну, девочка, не ко двору ты придешься здесь. Трудно тебе будет у нас. Уж коли нашей Тане, «Царевне-Неулыбе», трудно — а она всего только дочка бедной швейки — так тебе, настоящей барышне, и подавно не легко будет.

— Да отчего же?.. Бьет он вас, мистер Джон? Наказывает разве часто? — не без волнения спросила Марго.

— Ну, нет, грех врать на него. Бить-то он не бьет, а наказывать — наказывает, ты сама ведь видела, как он на шкаф сажает, когда провинишься. Не провиниться же перед ним нельзя...

— Да почему же? — снова спросила Марго у девочки.

— А вот сама увидишь. Все у него по часам да по правилам: и гимнастика, и ученье, и работа. Работы же страсть сколько тут; отдыхаем только тогда, когда его дома нет, — ответила Дуня.

— То ли дело было, когда мы на улицах милостыньку собирали, либо сапожными шнурками да булавками торговали! Жилось свободно, работа была легкая! — прибавила Ньюша-левша.

— Я убегу, убегу скоро отсюда, как Петька и другие... — неожиданно произнесла Таня.

— Выдумала тоже!.. Кто тебя пустит! Яська узнает, донесет, мистер Джон с Лордом живо поймают. Еще горше будет потом.

— Не будет горше, убегу, — упрямо твердила Таня.

— Да куда пойдешь-то? Мать твоя умерла, сирота ты круглая.

— Нищенкой буду, побираться стану, а только здесь не останусь ни за что. И тебе не советую, — обратилась Таня к Марго. — Вот ты побыла у нас — разве заметила что хорошего, а? Яська ябедничает, несправедливо Кольку наказывают за нее, еда плохая, надо убирать посуду, готовить, стирать. Ну, а что завтра еще будет — погоди, милая, узнаешь.

— Тише, тише, Яська идет, — зашептали Ньюша и Дуня, дергая за рукав Таню, и девочки, шарахнувшись от дивана Марго, в один миг нырнули, каждая в свою жесткую постель.

Глава XXVII

Что было на другой день

Шум, возня, разговор, кашель, раздававшиеся за стеной, разбудили Марго от сна. Она раскрыла заспанные глаза и удивленно оглянулась вокруг.

Солнце ярко светило в окно, незанавешенное шторой. Четыре кровати, находившиеся в комнате, были сейчас пусты. Марго оглянула еще мало знакомую ей обстановку и сразу вспомнила все, что случилось накануне с ней. Вспомнила мистера Джона, огромного Лорда, домик за городом, новых товарищей и товаров.

А шум за стеной все продолжался и продолжался. Марго стало страшно. Она никак не могла разобрать, что делается в следующей комнате.

Приподнявшись с дивана, она посмотрела на дверь. Дверь оказалась приоткрытой. Марго вытянула шейку и стала напряженно смотреть в отверстие.

Сначала ничего не было видно, только все еще слышались странные звуки, которые теперь казались громче и странней...

Вдруг Марго отшатнулась назад к дивану, вздрогнув всем телом. За дверью показалось что-то большое, длинное, неуклюжее.

Марго смотрела на странное движущееся существо и готова уже была закричать от страха, но, узнав мистера Джона, успокоилась. Он полз по соседней комнате на четвереньках, с красным напряженным лицом, ударяя себя правой рукой по спине и испуская при этом громкое оханье и кряхтение.

За мистером Джоном в таком же положении полз Сеня-татарин, за Сеней — Коля-Буян, за Колей — Гаврюша, за ним — Горя... Потом точно так же гуськом двигались девочки... Яся замыкала это странное шествие на четвереньках. Когда Яся очутилась у приоткрытой двери спальни, она повернула голову и увидела Марго, у которой были широко раскрыты от испуга и удивления глаза.

— Мистер Джон, — вскочив на ноги, произнесла Яся громко, — новенькая девочка проснулась и, верно, испугалась нас.

— Испугалась? Чего же? Вот-то маленькая глупышка!

Тут мистер Джон и дети прекратили гимнастику, вошли в комнату девочек и окружили лежавшую на диване бледную, дрожащую Марго.

— Ты, кажется, испугалась, малютка? Не бойся ничего. То, что ты видела, не минует и тебя, ты должна будешь проделывать то же самое. Это — такая гимнастика, очень полезная для здоровья. Все живущие у меня в доме обязаны заниматься гимнастикой самым аккуратным образом каждое утро... Ну, теперь вставай. Тебе дадут, когда ты умоешься и оденешься, стакан молока с хлебом, а затем начнется урок.

Марго оставалось только повиноваться. Дуня и Ньюша-левша помогли ей одеться. Затем первая принесла ей молока и хлеб, а вторая причесала в две косички ее черные непокорные локоны, несколько дней уже не знавшие гребешка.

Через час Марго сидела уже за столом в очень холодной комнате, где зябли руки и ноги, точно зимою, и под руководством мистера Джона зубрила буквы русской азбуки. Остальные, склоняясь вдвоем или втроем над одной книжкой, тоже заучивали буквы, склады, целые предложения.

Мистер Джон перебегал от одного ученика к другому, от одной своей воспитанницы к

другой.

— Ну, ну, не ленитесь! Не будьте рассеяны, работайте, работайте хорошенько! — то и дело подгонял он детей.

Семилетний Горя никак не мог справиться с трудною для него азбукою. Он пыхтел, сопел и громко вздыхал на всю комнату. Неожиданно его звонкий голос нарушил тишину:

— Не могу более, мистер Джон, у меня в ухе что-то свистит.

— Что такое? — высоко поднимая брови, удивился мистер Джон.

— В ухе, говорю, свистит, — повторил, нимало не смущаясь Горя.

Нюша причесывала Марго ее черные локоны.

— Как так?..

— Да так, свистит, — упирался, стоя на своем, мальчуган.

Дети дружно залились звонким хохотом.

— Звенит, может быть, хочешь ты сказать? — заметил строго мистер Джон.

— Не, свистит, пока что... Говорю свистит... — упирался, стоя на своем, мальчуган.

— А ну-ка, дай сюда твое ухо, я послушаю.

И мистер Джон, быстро шагнув к Горе, наклонился над ним и стал осматривать его ухо.

— Нет, в Горином ухе нет никакого свиста! — сказал он решительным тоном, поднял палец кверху и крикнул: — Бездельник, живо ступай на шкаф!

Через две-три минуты Горю уже был на шкафу.

Сначала он там сидел спокойно, но скоро начал выражать нетерпение.

— Спустите меня вниз поскорее: я, кажется, проглотил паука! — закричал он вдруг на всю комнату.

Мистер Джон несколько минут смотрел на шкаф и на Горю, задрав голову кверху, как бы соображая, правду ли говорит шалун или нет. Потом объявил мальчику:

— Бездельник, советую не забывать, что в аптеках имеется рвотное, чтобы извлекать из желудков негодных мальчишек проглоченных пауков.

Напоминание о лекарстве сразу останавливает Горю. Он свешивается со шкафа и жалобно, нерешительно говорит:

— Мне показалось только, что в ухе свистело... И что паука проглотил, тоже показалось...

Дети смеются, мистер Джон качает головой.

— Урок окончен, — через минуту объявляет он. — Ступайте на работу. Раз, два, три, марш бегом!

Глава XXVIII

Неприятные обязанности. Петька вернулся

Сначала дети идут на кухню готовить обед. Кто растапливает плиту, кто приготавливает щепки, кто кипятит воду.

Провизия принесена Дуней из лавки еще до урока. Режется мясо, кладется в кастрюлю, ставится на плиту. Марго поручено перемыть макароны. Около нее все время вертится Яся.

— Не так, не так... Надо сначала разломать надвое каждую макаронину, потом уже класть в кастрюлю, — учит она Марго.

Но Марго, никогда не занимавшаяся стряпней, да, кроме того, усталая от продолжительного урока, плохо соображает то, что ей говорят.

Яся сердито окидывает ее взглядом и, обращаясь к мистеру Джону, заискивающе говорит:

— Мистер Джон, новенькая совсем не умеет работать... Только зря провизию губит... Жалко глядеть.

— А ты научи ее.

— Я-то учу, да толку не выходит.

Мистер Джон очутился перед Марго.

— Слушай, девочка, я должен предупредить тебя, — говорит он строго. — если ты хочешь, чтобы тебя кормили, поили, одевали здесь, то изволь работать и во всем повиноваться старшим детям. Нужно тебе сказать: я не терплю бездельников и лентяев.

— Она и не ленится, — услышала Марго чей-то спокойный голос. — Яся напраслину на нее говорит.

Все оглянулись, чтобы посмотреть, кто это сказал.

— Кто говорит это? — обвел детей пытливым взглядом мистер Джон.

— Я сказала.

И, бесстрашно глядя ему в лицо, вперед выступила Таня.

— Ага... Неулыба-Царевна заговорила. Жаль только, что невпопад, — спокойно, не повышая голоса, произнес мистер Джон. — Ну, если девочка может доносить на свою подругу, то значит, ей не место быть в обществе этой подруги, а поэтому марш на шкаф!

И в один миг хозяин подхватил Таню и почти бросил ее туда, где уже около получаса, примирившись со своей участью, сидел Горя.

— Ябедница, — прошептал кто-то у самого уха Яси, но, кто именно произнес это, — она не могла разобрать.

Обед был уже готов. Дети быстро поели его.

Горю и Таню мистер Джон, продержав около часа на шкафу, простил, наконец, и позволил им присоединиться к обедающим. После обеда он заторопил всю свою маленькую команду идти на работу в сад.

Здесь дети должны были окапывать тяжелыми лопатами грядки с овощами (часть сада была отведена под огород), полоть траву на дорожках, взрыхлять землю вокруг яблонь.

— Работа на чистом воздухе не должна считаться за работу, это одно только удовольствие. Кто хочет заслужить ужин, должен трудиться, не покладая рук, — то и дело приговаривал мистер Джон, следя за своими воспитанниками и воспитанницами, копошившимися на грядках и дорожках.

Марго было поручено полоть траву у самой аллеи сада. Непривычная к работе, она очень скоро устала и выбилась из сил. Оттого, что она долго сгибала спину, у нее ныла поясница и кружилась голова.

Нюша-левша незаметно приблизилась к девочке и шепнула:

— Я работаю левою рукою так же скоро, как и правой. Стало быть, смогу полоть и за тебя и за себя. А ты посиди, отдохни вон там за кустом, только чтобы Яська тебя не увидела. Я же за тебя окончу живо работу.

Марго с благодарностью взглянула на подругу. Ей ничего не оставалось больше делать, как послушаться Нюшу. Она изнемогала от усталости. А здесь, среди частых кустов, не успевших еще опасть в начале осени, она могла полежать и немного отдохнуть.

— Благодарю, — проронила она и незаметно отошла с дорожки в кусты.

Ей было видно, как заработала одинаково быстро и ловко обеими руками «Левша». В несколько минут Нюша сделала больше, нежели Марго в полчаса.

А Марго в это время лежала с закрытыми глазами, думая о том, как бы хорошо было встретиться с доброй цветочницей Машей, или хотя бы найти ту мастерскую, где она работает. Делать цветы много легче, думалось девочке, нежели полоть траву и окапывать деревья и гряды.

Мистер Джон, такой требовательный и странный, очень пугал Марго своими необыкновенными выходками. Куда лучше уж было ей сделаться цветочницей. Но как попасть туда? Адрес цветочной мастерской она потеряла, помнила только со слов Маши, что цветочная мастерская находится где-то у часовни Спасителя на Петербургской Стороне. А где была часовня, какая такая Петербургская Сторона — Марго не знала.

— Так-то ты работаешь? Эка лентяйка! Вот погоди, сейчас мистера Джона позову! — произнес неожиданно подле нее торжествующий голос Яси, которая выскочила из-за кустов и очутилась против Марго.

— Мистер Джон, а мистер Джон! — закричала она во весь голос. — Идите сюда: новенькая-то, глядите, что делает, бока отлеживает вместо того, чтобы работать как все!

Но мистер Джон на этот раз никакого внимания не обратил на слова своей любимицы. Все время очень внимательно следивший за тем, как окапывали мальчики большую старую яблоню, он вдруг насторожился, постоял с минуту неподвижно и, сделав скачок по направлению к калитке, бросился на улицу с такой скоростью, как будто у него выросли внезапно крылья за спиной. Через минуту он возвратился обратно, но не один. Правой рукой он держал крепко за ухо какого-то мальчишку-оборванца, скорчившегося в три погибели от боли.

Мальчишка, гримасничая и извиваясь всем телом, вопил:

— Не буду, мистер Джон, ей Богу, не буду... Не по своей вине убежал от вас весною. Бывшие товарищи сманили. Ей Богу же, не я виноват, а они. Смутили они меня, хозяин, а там я простудился, заболел, в больницу угодил. Утром только выпустили нынче... И тотчас же к вам, значит, прибежал...

— А зачем же ты, бездельник, не прямо пошел, а за забором притаился! — строго допытывался у мальчишки мистер Джон.

— Боялся я шибко... Думал, осерчали вы на меня так, что и на глаза пустить не захотите.

— Ой, врешь ты, приятель!

— Провалиться мне на сем месте, коли вру.

В то время, как мистер Джон таким образом переговаривался с мальчиком, дети сбежались к ним со всех сторон и с любопытством обступили так неожиданно появившегося мальчугана.

— Вернулся-таки. Опять вернулся. Теперь уже больше не побежит, — перешептывались они между собой. — Попадет ему теперь на орехи от мистера Джона.

Подошла вместе с другими к пойманному мальчику и Марго, взглянула на него и неожиданно вскрикнула:

— Да ведь это Петька!

Действительно, то был Петька, мальчик из больницы, который хотел ночью унести у нее деньги из-под подушки.

Конечно, это был он.

Марго из сотни других мальчиков узнала бы Петьку, его худое лицо, его маленькие плутоватые, злые глазки и хриплый голос.

Петька между тем, при первом же взгляде на Марго, тоже сразу узнал ее. Он покраснел, и лицо его сделалось злым, презлым.

«Ага, это та самая девчонка, которая меня вором прославила на всю больницу, — подумал уличный мальчишка. — Постой же, теперь ты у меня прославишься! Из-за тебя пришлось мне нынче тайком из больницы удрать. Мочи терпеть не было: все воровством попрекали, так я же тебя, голубушка, отличу за это. Не даром, видно, мы встретились снова. Уж удружу я тебе, удружу!»

Петька, действительно, в это утро убежал из больницы, где его держали вдали от остальных детей после случая с деньгами Марго. Быть одному и скучать в одинокой палате он не хотел. Воспользовавшись тем, что прислуга была занята уборкой палат, он вышел в коридор, оттуда проскользнул в гардеробную, где находилось его платье, и, самым невинным тоном сказав сторожу, что доктор его выписал, попросил возвратить ему его рваный костюм.

Сторож, ничего не подозревая, вернул Петьке его лохмотья, и он в тот же миг незаметно ушел из больницы. Три-четыре часа плелся он по улицам, направляясь к дачному домику мистера Джона. Но не желание опять попасть к строгому англичанину привлекло сюда беглеца, а совсем другая цель.

Глава XXIX

Клевета

Лишь только Петькины глаза встретились с глазами Марго, мальчик заговорил:

— Ага, и французенка здесь. Вот кого не думал тут встретить. Здравствуй, мамзель! Да как же ты сюда попала?

— А разве ты знаешь ее, Петр? — удивился мистер Джон.

— Как же ее не знать: ее все знают, — захохотал Петька, и маленькие глазки его насмешливо заблестели.

— То-есть, как это все? — еще больше изумился мистер Джон.

— Гы, гы, — захихикал Петька, — верно, она вам тут всем наплела, что ее мать под колесами поезда погибла, что на машине сюда с французом прилетела, что в море упала и в больницу чуть живая потом угодила. Наврала она все, не ее мать, а другой девочки погибла, и не ее, а другую доставили в больницу. А она, вот эта самая Маргошка, и не Маргошка даже, а другая. Была она в больнице вместе с тою французенкою, которая и впрямь с летательной машины свалилась... Та очень хорошая была, ее все в больнице любили, а это совсем другая, ябедница да воровка. Мне добрый барин один денег подарил, так она их у меня выкрасть хотела. Еле-еле уберегли. Вот она какая! На всю больницу прославилась! — торжествующе заключил Петька.

Во время рассказа Петьки Марго то бледнела, то краснела. Ложь и клевета гадкого мальчишки были так неожиданны, что она едва верила своим ушам.

Мистер Джон и дети смотрели на нее теперь крайне недружелюбно.

«Неужели поверили? Неужели поверили?» — думала бедная девочка, и сердце у нее билось тревожно и шибко.

Оправдываться она не могла, не хотела. Она так сильно была взволнована бесстыдной ложью мальчишки, что не в состоянии была произнести ни одного слова.

— Петька лжет! — первый заявил Коля-Буян и незаметно для мистера Джона показал кулак вруну.

— Понятно, лжет! — вмешался Сеня-татарин.

— Лжет, лжет Петька! Как ему не стыдно! — закричали все остальные дети хором.

— Ей Богу, не вру. Зачем мне врать? — горячо защищался Петька.

— А почем знать, кто из них врет: может Петька, а может и новенькая, — затянула вдруг Яся, взглянув враждебно на почему-то не полюбившуюся ей с первой же встречи Марго.

Мистер Джон пристально взглянул на Ясю, потом на Петьку и Марго и произнес:

— Не знаю, кто говорит правду, кто неправду. Может, он врет, может, она притворяется. Надо проверить их обоих. Сейчас семь часов вечера, и я тотчас же отправлюсь в больницу и все узнаю. К полночи буду здесь. И тогда берегись, Петр, если ты солгал мне... И ты, Марго, если нет в твоих словах правды, — обратился он к девочке, и лицо его приняло строгое выражение, при виде которого Марго вся задрожала.

Мистер Джон приказал детям поужинать и лечь спать не позже десяти часов. За Петькой он велел следить старшим мальчишкам, Сене и Коле, не спускать с него глаз... Затем он надел свой непромокаемый плащ, позвал Лорда и, выйдя за порог домика, быстро зашагал по направлению к паровой конке, сел в вагон и поехал в город.

Глава XXX

Утешение. Что произошло в тот же вечер позднее

Марго, отказавшись от ужина, тихо-тихо плакала, запрятавшись в дальний угол кухни. Здесь, вдали от остальных детей, она могла дать полную волю своему горю. Марго уже не сомневалась, что дети поверили Петькиной клевете и смотрят на нее, как на выдумщицу и лгунью. Ей было очень тяжело.

«Я никому никогда не причинила зла, — думала она, заливаясь тихими слезами, — почему же я терплю столько горя и страданий?.. Мистер Джон поехал в больницу проверить, честная ли я девочка... Как это больно! Конечно, там никто не скажет про меня ничего дурного, но до его приезда какими глазами смотрят на меня дети! За какую они меня считают! Какой стыд!..» — Она продолжала всхлипывать.

— Ну вот, я же говорил, что она здесь, — раздался вдруг тихий голос Гаврюши, вслед за тем, как отворилась дверь кухни.

Он, Дуня, Коля-Буян, Таня и Нюша-левша в один миг окружили Марго.

— Не плачь, красоточка, — ласково произнесла Дуня, — ночью вернется наш мистер и разберет дело. Небось, Петька и сейчас уже замолчал; ему, кроме Яськи, никто не поверил и не верит.

— Ты не плачь, Маргоша, я его побью. Пусть на шкафу посижу в наказание, а побью, ежели он вздумает тебя обидеть впредь, — с уверенностью произнес Коля.

— Я тебе ужин принесу в спальню. Ступай-ка, да ложись — утро вечера мудренее, — посоветовала Нюша-левша.

— Не плачь, Марго: все разберет и выведет начистоту мистер Джон, — убежденно уверяла Таня.

Из слов и обращения с нею детей Марго поняла только одно: ей верят и сочувствуют, а Петьку порицают все, за исключением одной разве Яси. Это успокоило ее и остановило слезы. Она охотно подчинилась совету детей, поела принесенных ей Дуней разогретых макарон и позволила Тане и Нюше-левше уложить себя в постель.

Долго Марго не могла заснуть. Она слышала, как укладывались в соседней комнате по своим кроватям дети, слышала продолжительный беспокойный спор Коли с Петькой, закончившийся чуть ли не дракой, в которую вмешались все остальные мальчишки. Слышала угрозы и обещания Яси пожаловаться на всех мистеру Джону. Только через полчаса все стихло, и домик погрузился в сон.

Девочки уснули раньше, несколько позже водворилась тишина в комнате мальчиков. Скоро и в той, и в другой комнате раздавался дружный храп.

Одна только Марго не спала. Она лежала с широко раскрытыми глазами на своем жестком диване и пристально вглядывалась в темноту.

Вдруг она чутко насторожилась. За стеной раздавался странный шорох, точно кто-то ходил по комнате босыми ногами. А в щель дверей пахло холодком осенней ночи, стоявшей на дворе.

«Это, верно, вернулся мистер Джон с Лордом. Чтобы не разбудить детей, он снял сапоги и ходит по комнате босиком», — подумала Марго. Она была так убеждена в возвращении хозяина, что несколько не испугалась странного шороха в соседней комнате. Но ей страшно хотелось узнать поскорее, что сказали про нее в больнице. И вот, не совладав

со своим нетерпением, она тихо-тихо оделась и вышла из спальни, чтобы расспросить обо всем мистера Джона.

Но ни мистера Джона, ни Лорда в соседней комнате не оказалось. Не успела Марго оглянуться, как услышала легкий свист в сенях и сильнее, чем раньше, почувствовала холодный воздух, врывавшийся через открытую дверь сеней с темной улицы.

Затаив дыхание, Марго прошмыгнула к двери и остановилась, чутко прислушиваясь к тому, что делается кругом. Из сада донесся до ее слуха таинственный разговор.

— Тсс! Тише! — говорил кто-то шепотом.

Минуту спустя раздался другой голос:

— Хорошо, что мы встретили тебя нынче утром, Петька, когда ты бежал из больницы. Порядком мы наголодались, да неизвестно, сколько бы еще голодать приходилось. Спасибо, что ты указал нам на домик англичанина. А много у него добра?

— На вас хватит... Дача-то ведь у него собственная, и в сундуках много разной одежды да других вещей припрятано.

— Что-ж, веди нас в домик, нечего раздумывать!

— Да, да, надо торопиться, а то англичанин вернется — и все пропало!

— Идем же!

— Идем!

Разговор оборвался, и три темные фигуры промелькнули мимо Марго и бросились в сени, а оттуда в первую комнату.

В одной из фигур Марго узнала Петьку; она осталась стоять на месте, словно прикованная, ни жива, ни мертва со страху. Ей стало ясно вполне, что Петька вернулся сюда, в домик, по наущению встреченных им бродяг, чтобы обворовать мистера Джона.

Как предотвратить это несчастье, Марго не знала. Она хотела было крикнуть и разбудить детей, но тут же раздумала, так как это не могло бы помочь делу: дети были еще слишком юны и слабы, чтобы защитить имущество хозяина от ночных воров, которые, за исключением Петьки, были взрослые и на вид сильные парни. Тогда Марго решила немедленно бежать к месту, где останавливается паровая конка, и там дожидаться мистера Джона, предупредить о случившемся и поторопить его. Не теряя ни минуты времени, она опрометью кинулась из сеней на крыльцо, оттуда в сад и, пробежав главную дорожку, сильно рванула калитку и выскочила на улицу.

— Куда? Стой! Стой! — неожиданно послышалось за ее спиной, и чья-то сильная рука схватила девочку за плечо.

«Ах, это, вероятно, воры оставили в саду караульного, — подумала Марго. — Это ужасно! Надо спастись, непременно спастись!» Но как ни велик был ее страх, она не растерялась. Она рванулась всем телом, низко нагнулась, делая вид, что падает на землю. Державшая ее за плечо рука невольно разжалась и опустилась. Марго, метнувшись в сторону, почувствовала себя снова на свободе.

С быстротой молнии она поднялась, бросилась вперед и пустилась бежать по сонной, точно вымершей улице, где на очень далеком расстоянии друг от друга тускло светили фонари.

За нею — она ясно слышала — гнались. Шлепали голые пятки по земле, слышалось усиленное дыхание, кто-то бранился и угрожал ей вслед.

Крикнуть и позвать на помощь Марго не могла: язык ей не повиновался, губы не шевелились — так она была потрясена. Она уже не думала о том, чтобы бежать навстречу

мистеру Джону и предотвратить несчастье. Ей надо было, во что бы то ни стало, спастись от преследователя, исчезнуть из виду.

Марго бежала, сама не зная куда. Улица осталась где-то совсем в стороне, дачи тоже. Впереди расстилалось поле. За полем чернел не то лес, не то парк. Туда и бросилась девочка, не помня себя от страха и желая убежать как можно дальше от своего преследователя.

К счастью, гнавшийся за нею человек потерял ее на минуту из виду. Он остановился, снова побежал, но уже не туда, куда спасалась Марго. Скоро погоня совсем прекратилась.

Полуживая от страха и усталости, Марго прибежала на опушку леса или парка и, обхватив руками ствол первого попавшегося дерева, прильнула к нему, тяжело переводя дыхание.

Глава XXXI

Под мостом

Поднялся порывистый ветер, хлынул проливной дождь. Холодные тяжелые капли били Марго в лицо, руки и плечи. Разыгравшаяся осенняя непогода пронизывала ее до костей. Марго беспомощно оглянулась кругом.

В лесу или парке, где она теперь находилась, царила полная темнота. Только вдали желтой точкой мерцал фонарь, едва-едва освещая деревья вокруг себя. Этот же фонарь слабо освещал находившийся поблизости мост, перекинутый через какую-то канаву.

Деревья мало защищали Марго от дождя, и у нее в голове мелькнула мысль спрятаться под мостом, куда, казалось, не мог проникать ливень и где, наверное, нашлось бы укромное местечко для нее.

Всеми силами стараясь не скатиться под откос канавы, девочка, изнемогавшая от усталости, ошупью притащилась к мосту, села на корточки у его перил и заглянула под него. Но сверху ничего не было видно. Тогда с величайшей опаской она соскользнула вниз, придерживаясь обеими руками за доски и бревна, служившие основанием моста. Здесь дождь не мог уже достать Марго. Одна только сырость да мгла царили под сводами моста. Канавы, наполнившаяся дождевой водой, зияла на расстоянии полуаршина. Слышно было бульканье водяных струек. Но в уголку, под одной из свай моста, Марго показалось относительно сухо и уютно.

Прислонив усталую голову к толстому бревну, она присела отдохнуть и так и осталась в полусидячем положении. О том, чтобы заснуть, нечего было и думать. Она боялась, что во время сна свалится в воду, захлебнется и утонет. Поэтому она решила просидеть всю ночь до рассвета, стараясь даже не задремать. Но детские силы в конце концов не выдержали, и она задремала и забылась чутким и беспокойным сном. Однако, недолго продолжался ее сон. Через полчаса, не больше, она уже проснулась: что-то шершавое и мягкое щекотало ее вдоль руки...

Глава XXXII

Иванка Жанев и его Яшка

Марго испуганно открыла глаза и оглянулась.

Было раннее утро. Первые лучи рассвета успели уже проникнуть под мост, и она увидела какое-то мохнатое существо, осторожно поглаживавшее ее руку. Мохнатое существо показалось ей маленьким человеком — лилипутом, обросшим волосами, или сказочным гномом-карликом.

«Это сон. Я вижу все это во сне», — подумала Марго и, снова закрыв глаза, собралась заснуть опять. Но тихий молодой голос неожиданно прозвучал подле нее:

— Не спи, девочка. Уже скоро утро... Скажи, как ты попала сюда?

Малютка Марго вздрогнула от неожиданности и изумленными глазами взглянула на говорившего.

Перед ней, у самой канавы, под сводом моста, сидел мальчик лет 16-ти, смуглый, черноглазый, одетый в какие-то жалкие лохмотья, очень худощавый, но рослый и сильный на вид. А около него, продолжая осторожно и нежно гладить руку девочки, суежилась, смешно мигая глазками, маленькая коричневая, с забавной мордочкой, вертлявая обезьянка — то самое мохнатое существо, которое Марго приняла за человека-лилипута, обросшего волосами.

Смуглый мальчик посмотрел на малютку, протянул ей довольно грязную руку и произнес приветливо:

— Здравствуй!..

Он очень мягко выговорил это слово. «Так русские не произносят слова, они говорят гораздо тверже», — подумала Марго, и ей показалось, что этот мальчик непременно иностранец, может быть, даже француз. Сердечно ее дрогнуло от радости при одной только мысли о том, что она здесь, на чужбине, встретила соотечественника. Действительно, смуглое, худощавое, подвижное лицо его с черными, как вишни, глазами напоминало Марго лица мальчуганов, которых она частенько встречала на улицах Парижа.

Набравшись храбрости, она уставилась глазами на мальчика и спросила по-французски:

— Ты не русский, правда, не русский?

Мальчик в ответ отрицательно покачал головой, и это почему-то рассеяло окончательно сомнения Марго в том, что мальчик француз.

— О, какое счастье! Какое счастье! Мы соотечественники! — воскликнула девочка и едва не заплакала от радостного волнения, которое ее охватило.

Но незнакомый мальчик ничего не понимал и продолжал отрицательно качать головой.

Тогда Марго сознала свою ошибку и с опечаленным сердцем обратилась к мальчику по-русски:

— Кто же ты? Не француз? Как это жалко! А я думала, что встретила родного человека.

Мальчик-незнакомец, услышав русскую речь, сразу ответил:

— Я болгарин. Я пришел в Россию зарабатывать хлеб с моей сестрою и «Яшкою», — тут он кивнул в сторону обезьянки, успевшей заняться блестящей медной пуговицей на кофте Марго. — Сестра, — продолжал он, — пела, я заставлял «Яшку» танцевать и кувыраться. Мы ходили по дворам втроем: я, сестра и Яшка. Но сестра заболела и померла в больнице. Теперь нас осталось на свете только двое — Яшка да я... Ну, а ты откуда родом? Видать, что

не русская. Как ты сюда попала?

Лицо мальчика выражало самое искреннее участие, а добрые черные глаза приветливо и мягко смотрели на девочку. Это лицо, этот взгляд подбодрили Марго и заставили ее рассказать своему новому знакомому обо всем, начиная с детства в Париже и кончая последними днями здесь в Петербурге.

— Зовут меня Марго, — закончила свой рассказ девочка.

— А меня зовут Иванка Жанев.

Иванка выслушал с большим вниманием девочку. Когда она повторила ему о происшедших с нею сегодня приключениях, он задумался немного и сказал:

— Знаешь ли, тебе к твоему англичанину возвращаться не следует. Он, верно, сумасшедший какой-то: и работой замучает, и воспитанием своим доконает тебя. А вот что я тебе посоветую: сестра моя померла, может быть, ты за нее со мною останешься? Станем вместе по дворам ходить: ты петь, я Яшку показывать. А как денег наберем — на твою родину поедem. Ты говоришь, у тебя там друзья есть. Так вот они тебя там приютят, а может, и меня куда на место устроят; здесь-то у меня знакомых нет ни души... А пока что, по дворам походим, денег насобираем. На родину с деньгами-то куда лучше явиться, нежели с пустым карманом. Как ты думаешь, а?

Марго вздрогнула. То, что говорил ей этот смуглый, черноглазый Иванка, как нельзя более совпадало с ее желаниями. Она была в восторге: жизнь маленькой бродячей певицы, самостоятельный заработок, а главное, возможность попасть, наконец, на милую родину, в Париж — заранее радовали ее сердечко... «Боже мой, — думала она, — как бы это было хорошо!»

Марго снова ожила и повеселела. Глазенки ее загорелись от удовольствия. Милый, хороший этот Иванка! Не посылает ли его ей на помощь сама судьба?

Но внезапно Марго опечалилась и притихла. А как же она будет петь? Она ведь не умеет петь, не знает ничего, кроме своих детских французских песенок... И она тут же высказала свою тревогу Иванке.

Тот только рассмеялся в ответ.

— Вот это-то и хорошо, что ты умеешь петь только французские песенки. За это нам будут больше денег давать. Будем говорить, что мы бродячие французы — брат и сестра. Ну, а теперь я тебе дам хлеба, яйцо и огурец. Закуси хорошенько, и тронемся в путь, не то твой англичанин тебя хватится и насильно водворит домой.

— Но его, наверное, побили бродяги, которые забрались в домик, — выразила свое предположение Марго и задрожала всем телом от жалости к своему случайному хозяину.

— Э, пустое!.. Никто его не побил, все живы и целы. Небось, купим газету завтра и все из нее узнаем. Я по-русски немного читаю, пойму, если там будет напечатано. А пока поешь, и айда в путь с Богом! Ты Яшку только полюби моего. Хороший он зверюшка. А умница такой, что другого человека умней.

И, сказав это, Иванка притянул к себе Яшку и поцеловал его прямо в мордочку.

Марго сделала то же самое. Обезьянка ответила девочке лаской на ласку и, прижавшись к ее груди, терпеливо ждала своей порции завтрака.

Никогда еще Марго не показался таким вкусным завтрак. Она с удовольствием уничтожила хлеб, огурец и яйцо. Иванка и Яшка не отставали от нее.

Закусив, дети вылезли из-под моста и направились в путь.

— Надо выйти из этой местности, пока не станут просыпаться люди, — решил Иванка,

сажая Яшку себе на плечо и протягивая руку Марго.

— Да, да, а не то мистер Джон не пустит, — подтвердила девочка и бодро зашагала об руку со своим приятелем.

Дождь перестал. Утро наступало, стало совсем светло. Выглянувшее солнце просушило мокрое платье девочки. Марго с Иванкой прибавили ходу. Она, несмотря на тревожно проведенную ночь, чувствовала себя бодрой и спокойной. Что-то улыбалось ей впереди ясной и светлой улыбкой. Это была надежда снова в ближайшем будущем увидеть милый Париж и старых добрых друзей.

Глава XXXIII

Малютка Марго — уличная певица

Вот уже целый месяц, как Иванка, Марго и Яшка ходят втроем по дворам отдаленных, глухих петербургских улиц. Детям, конечно, хотелось бы заглянуть туда, где дома наряднее, жильцы богаче, но в людных оживленных частях города бродячим артистам строго-настрого запрещается давать уличные представления. Уже стоял дождливый и холодный сентябрь. Подступало самое ненастное время: слякоть, дожди, стужа.

Марго, когда согласилась стать уличной певицей, совсем иначе представляла себе жизнь бродячих артистов. Ей казалось, что очень весело и забавно распевать песенки, ходить то туда, то сюда и видеть постоянно новых людей. Но, увы! Девочка скоро убедилась, что жестоко ошиблась. Приходилось тащиться в дождь, в стужу, проводить часто бессонные ночи в ночлежке среди нищих и бродяг, иногда просто в сыром сарае или в каком-нибудь пустыре под открытым небом. Такая жизнь, конечно, не сладка. Усталая, голодная Марго должна была распевать под дождем свои песенки в то время, как Яшка проделывал свои штучки, изображая барыню, прогуливающуюся под зонтиком, или мальчугана, ворующего горох на огороде, или солдата, стоящего на часах. Но старания обезьянки и ее хозяев приносили очень мало пользы. В летнее время или ранней осенью, когда солнышко еще греет и стоит очень ясная теплая погода, многие взрослые и дети гостеприимно встречают бродячих артистов. Теперь не то. Холод и дожди загнали детей в дома. И если и собирается уличная публика послушать распеваемые Марго песенки и поглядеть смешные штучки Яшки, то от этой публики доход невелик. Кто бросит копейку, кто две, этим и ограничивается заработок бродячих артистов.

Если бы не добрый и мягкий Иванка, малютке Марго пришлось бы очень плохо. Обувь и платье ее износились, голод частенько мучил ее, а ночлег среди бродяг и нищих страшно пугал. Но Иванка всячески охранял девочку, насколько мог, от разных невзгод и случайностей, отдавал ей лучшие куски, заботясь о ней, как брат. На другой же день их знакомства, мальчик на первый заработанный пятак купил газету. Он не ошибся, сказав Марго, что она из газеты узнает о всем, что произошло в домике мистера Джона. Оказалось, что мистер Джон поспел во время, что умный мохнатый Лорд искушал забравшихся в домик воров, что их отправили в тюрьму и что сам мистер Джон был вызван в полицию, где он должен был объяснить, какие у него призрываются дети и какого рода воспитание дает он им. Тут же в газете было напечатано, что мистер Джон, вместо всяких объяснений, забрал детей и уехал с ними куда-то из Петербурга.

— Вот видишь, как ты хорошо сделала, что убежала оттуда, — сказал Иванка девочке. — Разве жизнь у твоего полоумного мистера была бы лучше, нежели наша?

Марго на это ничего не ответила, но подумала, что и жизнь бродячей певицы тоже далеко не легка.

Был ясный, но холодный день; Марго вся продрогла и с трудом ходила по дворам и пела свои песенки дрожащим голосом. А ходить и петь было необходимо: надо было заработать хоть несколько копеек на хлеб.

— Смотри, смотри мамочка, какая хорошенькая девочка, какая смешная обезьянка! Позови их, мамочка, пусть девочка споет, а обезьянка покажет нам свои фокусы! — раздался голос каких-то ребятишек у ворот одного дома, когда Марго и Иванка проходили мимо,

думая, где бы остановиться.

— Нам пора домой, да и холодно на дворе, — ответила мать.

Но дети пристали со своей просьбой, и матери их пришлось согласиться и позвать во двор маленьких уличных артистов.

Марго и Иванка очень обрадовались, заслышав неожиданное приглашение во двор.

— Пой хорошенько, Марго! Люди, видно, богатые, в собственном, верно, доме живут, не пожалеют лишнего пяточка. Заработаем недурно на обед. Постарайся! — успел шепнуть Иванка своей маленькой спутнице.

Марго сама поняла, что тут надо постараться, и чуть заметно кивнула своей черной головкой в знак согласия. Она запела старинную французскую песенку, которую научила ее петь еще в детстве ее покойная мать и которая так нравилась ее парижским друзьям и знакомым.

Глава XXXIV

Марго хотят отнять у Иванко

Малютка Марго поет песенку о красивой маленькой принцессе, которой надоела беззаботная жизнь в королевском дворце и которая пожелала сделаться простою крестьяночкой, чтобы узнать и посмотреть, как живет народ.

«Жила-была на свете маленькая принцесса.
Маленькая принцесса, которую любил народ.
Жила-была маленькая принцесса,
В роскошном дворце, среди богатств и сокровищ,
Среди нежных забот отца-короля...
Тра-ля-ля-ля-ля! Тра-ля-ля-ля!»

Поет Марго сегодня неважно. Ей нездоровится, хочется отдохнуть. Голос у нее хриплый, а лицо бледное. Она вся дрожит, хотя солнце выглянуло из-за туч, и стало довольно светло и тепло.

Дети внимательно слушают и смотрят на девочку.

— Странно, странно, — произнесла их мать, обращаясь к старшей дочери, — девочка — настоящая француженка. Это видно по всему. У нее и личико, и выговор — все французское. Ну, а этот мальчик скорее похож на болгарина. Каким же образом они вместе — не могу понять.

— Может быть, мамочка, этот бродяжка увел, попросту украл ее у родных, — шепотом заметила в ответ девочка.

— Ну, украсть такую девочку довольно трудно, — сказала мать. — Но росту она, правда, малютка, но по лицу ей нельзя дать меньше девяти-десяти лет. А впрочем, я сейчас все это узнаю, — заключила она и поманила к себе Марго.

Та подошла совсем близко.

— Ты — француженка? Парижанка? — протягивая двадцатикопеечную монету, обратилась к ней ласково по-французски мать детей.

— Да, мадам... Я француженка, из Парижа, — обрадованная тем, что слышит родную речь, ответила Марго.

— А этот юноша тоже?

— Да, это мой брат... — невольно краснея, чуть слышно пробормотала Марго, помня свое с Иванкой решение называться братом и сестрой.

— Ага, молодой человек, — обратилась тут дама к Иванке по-французски, — я бы не советовала тебе водить по дворам такую маленькую девочку, да еще так легко одетую. Смотри, она совсем измучена, простужена и охрипла. Долго ли заболеть!

Черные глаза мальчика беспокойно взглянули на даму. Разумеется, он ничего не понял из ее слов и виновато молчал.

Марго растерялась не меньше своего мнимого брата.

А дама и дети все подозрительнее и подозрительнее поглядывали на юного болгарина.

— Как странно, что ты не понимаешь меня. Ведь я говорю правильно по-французски, а

ты — парижанин, как и твоя сестра, — уже довольно строго обратилась снова дама к Иванке, который опять не понял ничего из того, что она ему говорила. Вместо ответа, он незаметно подхватил с земли Яшку, сунул его за пазуху, взял за руку Марго и, готовясь, по-видимому, броситься в бегство, лишь только окажется какая-нибудь опасность, — шагнул к воротам.

«Ну, конечно, так оно и есть. Девочка совсем чужая этому болгарину: он силою увел ее из родительского дома и не отпускает, заставляя ее работать на себя. Надо, во что бы то ни стало, спасти девочку», — подумала дама и крикнула вдогонку Марго по-французски:

— Зачем ты мне солгала, девочка? Этот уличный бродяга не может быть твоим братом, он даже не родной тебе.

Марго вспыхнула, потом побледнела и пробормотала было что-то в ответ. Но Иванка многозначительно сжал ей руку.

— Не разговаривай... Не отвечай ничего... Скорее уйдем отсюда... — успел он шепнуть своей спутнице и быстрее зашагал к воротам.

Малютка Марго едва поспевала за ним.

А с крыльца дети и их мать кричали вслед:

— Не уходи, девочка! Остайся с нами, мы поможем тебе! Мы выручим тебя. Подожди же!.. Пстой!..

Но Иванка и Марго только прибавляли шаг и торопливо шли, не оглядываясь назад.

Неожиданно раздался позади них свисток городского. Очевидно, дама, так заинтересованная судьбою уличной певички, успела предупредить дворника, а тот полицейского, чтобы задержали детей.

Иванка, бледный от волнения, быстро произнес, обращаясь к Марго:

— Маргаритушка, эти люди хотят тебя взять от меня силою. Они думают, что я тебя увел от родных и мучаю, извожу чрезмерною работою. Я это понял по лицу и голосу этой непрошеной заступницы-барыни. Так вот, если хочешь, иди к ним, оставайся с ними, а я снова, вдвоем с Яшкой, буду ходить по дворам. Сыта будешь, будешь в тепле и уюте. Может быть, они хорошие, добрые люди. Ступай к ним... — и, сказав это, Иванка разжал пальцы, выпуская руку Марго из своей.

Но, вместо того, чтобы последовать его совету, девочка только крепче стиснула его пальцы и горячо зашептала:

— Нет, нет, я не оставляю тебя ни за что на свете, Иванка. Ты сдружился со мной, когда я была совсем одинокая, затерянная, не знала, что делать, что предпринять, и стал заботиться обо мне, как родной брат. Нет, нет, Иванка, я тебя не оставляю; горе и радость — все будем делить пополам.

— Ну, тогда поспешим, иначе нас здесь сразу накроют, — решительно произнес мальчик и зашагал быстрее, увлекая за собою Марго.

Раздался новый свисток полицейского, а за ним второй, третий... Кто-то спешил сзади, нагоняя детей.

Та часть города, где находились сейчас наши юные уличные артисты, изобилует пустырями, глухими закоулками и безлюдными улицами. В один из таких переулков свернул Иванка со своей спутницей. Затем они повернули еще за угол и очутились подле строившегося дома, окруженного лесами.

Было около двенадцати часов дня. Рабочие отсутствовали: очевидно, пошли обедать; на постройке не было ни души.

— Сюда! — скомандовал Иванка и прыгнул в нижнее окно, вернее, отверстие окна строившегося дома.

Малютка Марго последовала за ним. Здесь они оба притаились за кучей стружек и кирпичей.

Свистки замолкли. Погоня, по-видимому, пробежала мимо.

— Слава Богу, спасены! — с облегчением вздохнул Иванка. — Только теперь надо смотреть в оба. Братом и сестрой не всюду называться станем, а то и впрямь, какой же я тебе брат, когда я ни слова не скажу по-французски. Того и гляди, узнают и заберут. Ну, а теперь отдохнем и подкрепимся. — Иванка стал вынимать из кармана скудные запасы провизии: хлеб, вареные яйца, купленные в лавочке, и колбасу.

Иванка и Марго плотно поели, накормили обезьянку и дали ей полакомиться сахаром, всегда имевшимся в самом ограниченном количестве в кармане Иванки. Потом они прислонились к стене и собрались вздремнуть немного, вспоминая, что злая барыня дала им целый двугривенный, на который они все трое славно поужинают где-нибудь в дешевой столовой. Но через несколько минут слышались приближающиеся голоса рабочих, возвращавшихся с обеда.

Незаметно выскользнули дети из глубины строящегося здания и побрели по самым отдаленным закоулкам, то и дело опасливо поглядывая по сторонам.

Глава XXXV

Невольная разлука. Мастерская бумажных цветов

Прошло еще несколько недель. Окончилась осень, незаметно наступила зима. Дождь и слякоть сменились снегом, метелями и морозами.

Иванка, Марго и Яшка совсем выбились из сил. За эти несколько недель они наголодались вдоволь. Всюду окна были наглухо закрыты, замазаны. Двойные рамы мешали слушать пение Марго, и заиндеветые стекла не позволяли видеть забавные штуки Яшки. Никто и не пытался бросить им копенку, не желая открывать в мороз форточку.

Продрогшие, измученные, голодные бродили по улицам окраин Петербурга Марго и Иванка, заходя то в тот, то в другой двор и нигде не находя желанного заработка.

Они оба заметно осунулись и похудели. Осунулся и бедняга Яшка, не привыкший к стуже. Жалобно и грустно смотрели его круглые глазенки, и исхудалые лапки-руки моляще протягивались к прохожим.

Марго не могла без слез смотреть на обезьянку. Она часто брала ее у Иванки, согревала своим дыханием и делилась с нею последним куском.

Теперь в душе девочки гасли последние надежды. Она уже не верила в то, что увидит когда-нибудь Париж. Это казалось ей таким счастьем, о котором она не смела теперь и мечтать.

Голос ее совсем охрип от холода. Личико сделалось красным, неузнаваемым. Теперь уже никто не хотел слушать ее песен. Да и не могла она петь. Единственным кормильцем был теперь Яшка, который своими уморительными штучками привлекал иногда прохожих, протягивавших Иванке, кто сколько.

— Нет, я больше не могу идти... И рада бы, да не могу... Я так стесняю тебя, Иванка оставь меня на улице... Полицейские подберут меня и отвезут куда-нибудь... Ты видишь, я едва передвигаю ноги и только мешаю тебе. Когда я могла петь и помогала тебе зарабатывать, я не думала расставаться с тобой. Но теперь я тебе только в тягость. Оставь же меня, Иванка, мне холодно, я измучена, я голодна... Я не могу больше ходить.

Еле-еле выговорив эти слова, Марго опустилась на тумбу в одном из самых глухих закоулков города. Она вся тряслась, зуб на зуб не попадал. Поношенное, дырявое платье, разодранный платок и рваная обувь, конечно, мало защищали от холода и ветра, свирепствовавшего кругом и крутившего в воздухе огромные хлопья снега. Страдал от стужи невыносимо и Иванка, который был одет не лучше Марго. Одному только Яшке было сносно — на груди у Иванки. Временами он высовывал из-за борта кафтана юного хозяина свою уморительную мордочку и тотчас же с жалкою гримасою прятал ее обратно.

Иванка попробовал было утешить и подбодрить Марго.

— Полно, Маргаритушка, пересиль себя, — ласково убеждал он девочку, — не все же такая стужа держаться будет. Вот заработаем несколько рублей и махнем на юг, в Одессу, либо к Крым. Там и переждем зиму. Я сам боюсь, что холод убьет Яшку... Удирать надо отсюда поскорей. Яшка — существо деликатное, к такой стуже не привычен, погибнет тут да и только. Ну, подбодрись, Маргаритушка, пойдем, милая.

— Куда пойдем? Уже ночь, нас никто никуда не пустит.

— Так в ночлежку пойдем, — убеждал Иванка. — У меня есть еще десять копеек. Заплатим и нас пустят переночевать.

— Это с бродягами и нищими? Ни за что. В последний раз там так было мне страшно и противно, что я больше никогда не пойду туда, — решительно проговорила девочка.

— Маргаритушка, милая, куда же мне отвести тебя? — тоскливо спросил Иванка.

Марго опустила голову и задумалась. Она думала, куда ей теперь пойти, где искать приют и кусок хлеба.

«К генералу Градовцеву нельзя идти, — мысленно говорила себе Марго. — Если даже он вернулся в Петербург, то разве можно явиться к нему в таком виде — оборванной, грязной, озябшей? Нет, нет, нельзя! Но, может быть, отыскать мне цветочницу Машу, с которой я подружилась в больнице? Ведь Маша часто говорила, что в мастерской, где она служит, всегда нужны девочки-ученицы, а тем более такие, которые умеют делать цветы. Вот единственное спасение! Пойди туда! Только как найти, не зная адреса, эту мастерскую?»

Марго помнила смутно из слов Маши только одно: мастерская находится где-то очень близко от часовни Спасителя, куда петербуржцы ходят молиться, ставить свечи и служить молебны. И заглодевшими на стуже губами Марго говорит о своем решении Иванке и просит его помочь найти мастерскую.

— Ну, если близ часовни Спасителя, так найти совсем пустяшное дело, — утешает ее Иванка, — но тут же пробует еще раз убедить девочку. — Лучше бы ты, Маргаритушка, оставалась со мной и с Яшкой...

Но Марго непоколебима на этот раз.

— Нет, Иванка, хотя я и привязалась к тебе, как к родному, а не могу больше ходить с тобой. Тебе и так трудно прокормить себя. Веди меня в мастерскую, Иванка, помоги мне найти...

— Поступай, как знаешь, разве я насильно могу держать тебя. А только я тебя, как сестричку полюбил, Маргаритушка, и ты мне позволь навещать тебя в твоей мастерской.

— Конечно, конечно, — обрадовалась Марго, — ты приходи почаще, Иванка, да?

— Коли пустят, буду часто приходить. А теперь обопрись на мою руку и постарайся дойти как-нибудь. До часовни Спасителя путь далекий. Дойдешь ли ты, а?

— Дойду... Постараюсь... — пролепетала Марго, у которой ноги подкашивались и зубы стучали мелкой дрожью.

Опять пустились в путь измученные дети. Ветер по-прежнему шумел и свирепствовал, немилосердно обдавая их своим ледяным дыханием и облепляя огромными хлопьями снега.

Марго дотащилась до какого-то моста. Длинный мост, казалось, не имел конца. По нему то и дело пробегали красные трамваи, освещенные электричеством; проносились экипажи, извозничьи сани. Пешеходов было мало в эту непогоду на улицах. Долго шли дети, пока не окончился длинный мост. С моста они свернули на набережную и, пройдя по ней значительное расстояние, свернули в переулок. Через некоторое время показалась часовня, окруженная оградой. Она была уже закрыта на ночь. Повернули в следующую улицу. Перед одним из деревянных домов-особняков Иванка остановился. При свете уличного фонаря он прочел надпись на прибитой у подъезда доске: «Мастерская искусственных цветов Е. Д. Нешт».

— Здесь вот, верно, твоя мастерская, — обратился он радостно к Марго, буквально повисшей у него на руке, и вдруг испуганно вскрикнул:

— Маргаритушка, да что это с тобою? Очнись! Опомнись!

Но Марго не отвечала ни слова. Ее глаза сомкнулись от слабости, голова запрокинулась

назад, и она медленно стала опускаться на тротуар, занесенный снегом.

Глава XXXVI

Цветочная мастерская Евангелины Денисовны Нешт

— Ей дурно! Ей дурно! Помогите! Она умирает! — закричал Иванка изо всех сил, тряс бесчувственную Марго.

— Ты чего здесь шумишь? Что тебе надо? Вот погоди, я тебя в участок отправлю сейчас, — услышал за собою Иванка свирепый голос, и словно из-под земли вырос перед ним дворник в овчинном тулупе, только что мирно дремавший у ворот.

— Делайте со мной, что хотите, — залепетал в ответ Иванка, — только отнесите эту девочку к хозяйке цветочной мастерской. Это ее новая ученица. Ей было приказано нынче прийти поступить в мастерскую, да вот ей сделалось дурно от усталости и холода.

Иванка знал, что он говорит неправду, но решил соврать, чтобы Марго пустили в мастерскую в такой поздний час.

Дворник долго соображал, поверить ли мальчику или нет. Наконец, он проворчал:

— Ладно, ладно... Девчонку-то я сдам Нештихе, а тебе советую убираться: что-то ты мне больно не нравишься.

Иванка волей-неволей должен был удалиться. Но, уходя, он еще долго стоял за углом улицы, желая узнать, доставлена ли по назначению бесчувственная Марго или нет.

Его сомнения тотчас рассеялись. Он увидел, как дворник, очевидно, поверив, что Марго — ученица из мастерской мадам Нешт, понес ее на крыльцо и нажал кнопку звонка, как раскрылась дверь мастерской и как дворник шагнул в сени со своей ношей.

Мальчику не оставалось больше ничего делать, как поплестись по направлению к ближайшему ночлежному дому.

Бедный Иванка почувствовал теперь полное одиночество и глухую тоску, расставшись с Марго, к которой привык, как к родной сестре.

«В первый же праздник навещу ее. А пока за что бы взяться мне?.. Заставить впредь работать Яшку в такую стужу, значит, и его потерять», — подумал Иванка. И, испуганный этой мыслью, он нежнее прижал к своей груди обезьянку и быстрее зашагал по улице.

— Что это? Что за девочка? Откуда ты несешь ее, Матвей? — закричала мадам Нешт, или Нештиха, как ее называли во дворе жильцы и служащие, выбежав в прихожую на звонок и увидев бесчувственную девочку на руках дворника.

— Чья эта девочка? Как она сюда попала? — повторяли за своей хозяйкой заглянувшие в прихожую мастерицы и четыре девочки, одинаково одетые в ситцевые платья, белые передники и пелеринки — ученицы-цветочницы.

Дворник Матвей, ничего не понимая и ничего не отвечая, внес все еще находившуюся в глубоком обмороке Марго в комнату и положил ее на первый попавшийся диванчик.

— Замерзла, видно, ваша новая ученица, — обратился он после этого к хозяйке мастерской.

— Какая ученица? Что такое? Нет у меня никакой новой ученицы. Унесите ее туда, откуда взяли. Кажется, она уже умерла, — ужасно волнуясь, говорила хозяйка.

— Ах, нет, она жива, — низко наклоняясь над бесчувственной Марго, произнесла Зина, старшая мастерица.

Другие девушки, а за ними и девочки подошли ближе взглянуть на Марго, и вдруг самая маленькая из учениц, десятилетняя белокурая Маша, неожиданно крикнула:

— Да ведь это — Марго, та самая девочка, с которой я лежала в больнице и о которой я рассказывала вам, Евангелина Денисовна. Она хорошо умеет делать цветы и хотела поступить в нашу мастерскую.

— Она хорошо умеет делать цветы? — спросила мадам Нешт, и лицо ее сразу прояснилось. — Девочка девяти лет и умеет хорошо делать цветы? Неужели?

— Да, Евангелина Денисовна, да... да...

Расчетливая хозяйка задумалась. Девочке-ученице платить жалованья не надо: девочек-учениц только кормят и одевают, так что если эта новенькая умеет хорошо делать цветы, то отчего не принять ее. Мадам Нешт сразу заговорила совсем иным тоном.

— Вы можете идти, Матвей... Вот вам двугривенный на чай за то, что доставили девочку. Геня, Роза, Филя, Маша, кто-нибудь скорей несите из моей комнаты нашатырный спирт и теплую фланель... Да вскипятите воду, согреть надо эту несчастную. Бедняжка, какая она вся синяя, как она заоченела!

Девочки-ученицы, все четверо, бросились исполнять поручение хозяйки. А через несколько минут Нешт при помощи мастериц уже растирала фланелью заоченевшее тело Марго, лила ей в рот горячий чай и подставляла баночку с нашатырным спиртом к носу.

Мало-помалу, девочка стала приходить в себя. Вот она вздохнула, вот потянулась, пошевелила рукою и спросила по-французски, раскрывая свои большие черные глаза:

— Где я?

Нешт, зная немного по-французски, ответила, насколько можно смягчая свой строгий голос и придавая приветливое выражение своему лицу:

— У своих, девочка... У друзей, которые не причинят тебе никакого зла.

Но Марго уже не слышала того, что ей отвечали. Тяжелое путешествие в метель так обессилило девочку, что она потеряла последние силы и уснула крепким тяжелым сном.

Глава XXXVII

Затея проказницы Гени

Ясное январское утро. Солнце весело заглядывает в окно цветочной мастерской мадам Нешт. На длинном рабочем столе лежат грудками куски тонкого и толстого шелку, атласа, бархата, куски проволоки и бумаги. Все это идет на выделку искусственных цветов.

За столом сидят цветочницы: старшие мастерицы Зина, Ольга и Лиля и девочки-ученицы — Маша, Роза, Геня, Филя и Марго.

Маша — та самая, что лежала в больнице вместе с Марго. Она самая тихая и кроткая из учениц. Роза — спокойная, трудолюбивая и очень аккуратная немочка, дальняя родственница мадам Нешт. Геня, наоборот, лентяйка, проказница. Она часто дерзит не только мастерицам, но и самой хозяйке. Филя — простая деревенская девочка, недавно только приехавшая в город и поступившая к Евангелине Денисовне. Ей чаще всего поручаются кухонные обязанности и уборка комнат. Своей неуклюжестью, растерянностью и недогадливостью она потешает всю мастерскую.

Вот уже целый месяц, как Марго занимается в цветочной мастерской Евангелины Денисовны Нешт. Хозяйка очень ею довольна. Юная француженка своей работой превзошла все ожидания мадам Нешт. Маленькие пальчики Марго, казалось, были прямо созданы для выделки искусственных цветов. У нее выходили такие славные нежные розы, такие воздушные хрупкие лилии, такая красивая сирень, Иван-да-Марья, ландыши и незабудки, что заставляли только любоваться.

Мадам Нешт, глядя на работу Марго, сияла от удовольствия. Девочка оказалась настоящей находкой для ее мастерской. Хозяйка и к Маше стала относиться лучше за то, что та посоветовала Марго поступить в мастерскую. С появлением Марго хозяйка рассчитала одну из мастериц, так как маленькая француженка вполне заменяла ее в работе. Это было очень выгодно для хозяйки: мастерице она платила жалованье, а ученице не давала ни гроша. Евангелина Денисовна была очень скупа и воспользовалась умением девочки, чтобы освободиться от лишней и дорогой мастерицы.

Строгая ко всем, хозяйка сразу полюбила Марго. Зато три мастерицы и Геня сразу ее возненавидели. Мастерицы — за то, что Марго являлась причиной увольнения их четвертой товарки, да еще из зависти к умению француженки. А Геня возненавидела просто за то, что Марго стала сразу любимицей хозяйки, которую сама Геня терпеть не могла. Геня дерзила, грубила хозяйке; хозяйка то и дело ее наказывала.

Но наказания не помогали, и Геня, отбив их, проказничала, грубила и дерзила снова. Прогнать же Геню из мастерской Евангелина Денисовна не решалась: Геня была очень ловкая проворная девочка. Она знала город, как, свои пять пальцев, и куда бы ни посылали ее, исполняла всевозможные поручения быстро, ловко и умело, как никто другой. Без Гени, казалось, трудно было бы обойтись в мастерской.

Ясное январское утро. В мастерской стало шумно и весело. Работа цветочниц приостановилась на время. Хозяйка куда-то ушла, а ее отсутствием всегда пользуются мастерицы и ученицы. Они побросали работу и не без интереса следят за Геней, которая пристала к простоватой Филе и не дает ей покою.

— Филя, а Филя, — говорит Геня девочке, — что у нас на обед готовится нынче?

— Картошка, стало быть, — спокойно отвечает Филя.

— А хозяйке что?

— А хозяйка кисель будет хлебать.

— Ха-ха-ха! Хлебать — вот так слово! — залились смехом цветочницы.

— А ну вас! — махнула рукой Филя.

— А кисель кто варит? — продолжала допытываться Геня.

— Васса стряпуха, стало быть, — почесывая голову, так же спокойно отвечает Филя.

— А не ты?

— Не я.

— А ты хочешь удружить хозяйке, Филя?

— Хочу, отчего не хотеть.

— Так свари ей сама кисель нынче. Ты знаешь, она его любит больше всего, а удастся тебе угодить ей, так она тебе хорошо отплатит: косынку новую подарит и еще что-нибудь.

— Я сварю, отчего не сварить, — согласилась простоватая Филя.

— Стало быть свари. Только ты, вместо сахара, соли в кисель подсыпь побольше, она с солью страсть как любит, — продолжала Геня.

— Ладно, подсыплю.

— Ну, вот и хорошо! Ложки четыре всыпь на одну тарелку, и косынка твоя. — Филя молчаливо согласилась, ничего не подозревая, и мастерицы покатались со смеху.

— Нет, нет, Филя, не делай этого! — неожиданно крикнула с своего места Марго. — Тебе попадет от мадам. Ты не понимаешь, Филя, что кисель с сахаром вкусно, а кисель с солью гадость, которую никто не может есть. Геня шутит, а ты ей поверила.

— Да, поверила, — тупо улыбаясь, произнесла Филя.

В тот же миг поднялась со своего места Геня и, покраснев от злости, накинулась на Марго.

— А тебя кто просил нос совать не в свое дело, а? Ты всегда сунешься и все испортишь! Покажу тебе как совать нос...

— Маргариточка не может иначе, так как изволит быть хозяйской любимицей, — насмешливо протянула мастерица Зина, которая тоже плохо относилась к Марго, завидуя ее уменью и дружбе с Евангелиной Денисовной.

— Что и говорить, мастерица — первый сорт, из французской школы. Искусница такая, что ни в сказке не сказать, ни пером описать, — заметила в сторону Марго другая мастерица, Ольга.

— Мал золотник да дорог, — протянула по адресу Марго третья мастерица Лиля, и тут же пропела тоненьким голоском:

Маргариточка-цветочек

Скромно в поле расцвела.

И сама не замечала.

Как своей работой сводила всех с ума.

Насмешки сыпались на маленькую француженку.

Марго густо покраснела. Слезы готовы были брызнуть у нее из глаз.

Тогда обычно тихая и кроткая Маша не выдержала и возвысила голос, заступаясь за свою любимую подругу:

— За что вы обижаете Марго? Злые вы, нехорошие! Завистливые вы! Не можете ей простить того, что она лучше всех вас работает, что у нее цветы лучше ваших выходят. Гадкие вы, злые! При мадам вы так не смели бы нападать на нее.

— Ах ты, девчонка! — вскочив со своего места, закричала Зина. — Да я тебя за уши отреплю, если ты...

Она не договорила, потому что как раз в это время раздался в передней звонок. Роза побежала отворять дверь.

Евангелина Денисовна вошла в мастерскую. Разговоры сразу прекратились и все углубились в работу.

Глава XXXVIII

Белые розы. Кисель с солью. Несчастье

— Вот что, — произнесла Евангелина Денисовна, входя в комнату, — я получила очень важный заказ от одного большого магазина. Надо сделать венок из белых роз с зелеными листиками и шипами, точь в точь как настоящие. Я хочу, чтобы цветы делала одна Марго, ветки же и листья сделать поручаю вам, мастерицы. Повторяю, заказ очень важный, надо исполнить его поскорее, а потому приступите к этой работе сегодня же.

— Марго, — позвала Евангелина Денисовна девочку, — смотри, чтобы розы вышли как можно изящнее, Постарайся и отличись. Магазин, заказавший мне цветы, считается одним из лучших в Петербурге. До сих пор искусственные цветы выписывались им из Франции, теперь же магазин хочет на пробу заказать их нам. Так постарайся угодить магазину, очень тебя прошу.

— Я постараюсь, мадам... — произнесла Марго, польщенная и сконфуженная новым вниманием со стороны хозяйки.

Мастерицы многозначительно переглянулись между собой. А Геня пропищала тоненьким голоском:

Маргариточка наша умница-разумница,
Про это знает вся улица,
Петух да курица,
Кот да кошка.
Да я немножко...

— Что ты там бурчишь, Геня? — обратилась госпожа Нешт к девочке.

— Я песенку пою. Господи, неужели и песенки нельзя спеть. Вот жизнь-то каторжная! — плаксиво протянула Геня.

— Чем глупости петь, лучше ступай на кухню да поторопи Вассу с обедом, — строго обратилась к ней хозяйка.

Той только и надо было этого. Она быстро вскочила с места и кинулась за дверь.

* * *

Обедали все вместе. На почетном конце сидела сама хозяйка; по обе стороны ее помещались мастерицы и девочки. Подавала обед Васса, ей помогала Филя.

Хозяйка была сегодня довольна и приветлива, что случалось с ней довольно редко. Радовал ее и выгодный заказ большого торгового дома и возможность поручить этот заказ Марго, которая, по предположению Евангелины Денисовны, могла вполне успешно выполнить его.

Подле хозяйки, на стуле, сидел большой белый сибирский кот Нини. Этого Нини Евангелина Денисовна любила и берегла пуще глаза. Не раз попадало той или другой девочке за то, что те не давали вовремя молока коту, или ненароком наступали ему на лапку,

на хвост, либо спугивали Нини с места. Нини был настоящим царьком в цветочной мастерской мадам Нешт. В то время, как цветочницам было строго-настрого воспрещено подходить к столу, где лежали материи для выделки цветов, с грязными руками, Нини мог спокойно, когда ему вздумается, расположиться на кусках бархата, атласа, шелка и кисеи. И ел он с одной тарелки с хозяйкой и спал на одной подушке с Евангелиной Денисовной.

— Никто не смеет обижать Нини. Кто попробует сделать это, тот будет иметь дело со мной, — не раз строго говорила цветочницам мадам Нешт. Филя была специально приставлена в няньки к Нини.

Сейчас Нини сидел подле хозяйки, обвязанный, как ребенок, салфеткой вокруг шеи. Это делалось для того, чтобы как-нибудь не запачкалась белоснежная шерстка всегда чистенького и пушистого кота.

Съели суп, на второе подали отварное мясо с вареным картофелем. Хозяйке принесли отдельное блюдо — кисель.

Кисель был любимым блюдом Евангелины Денисовны. Она заранее уже улыбалась от удовольствия, при виде Фили, несшей тарелку с дымящимся кушаньем. От киселя шел пар и вкусный аромат сушеной черной смородины. Предвкушая наслаждение, мадам Нешт поставила перед собой тарелку и взялась за ложку.

Вдруг ложка выпала из руки хозяйки, а лицо ее, улыбавшееся и довольное еще за минуту до этого, внезапно исказилось гримасой отвращения.

— Какая гадость! Тьфу! Тьфу! Тьфу! — то отплевываясь, то зажимая рот салфеткой, забормотала Евангелина Денисовна с покрасневшим от гнева лицом.

— Кто варил кисель? Васса? Позовите Вассу, — приказала она, едва переводя дух.

Появилась Васса, толстая, высокая женщина, в засаленном полосатом переднике.

— Что это за ужас? Попробуйте! — протягивая ей ложку с киселем, негодующим тоном говорила хозяйка.

Та попробовала киселя с ложки и тоже стала отплевываться и строить невольные гримасы.

— Ах, она негодная девчонка! Видела я, как сыпала она что-то у плиты! — возмущенным тоном заговорила Васса. — Думала я, сахар это она, чтобы подсластить, угодить хозяйке, а тут иное, вишь, совсем дело вышло. Ах, ты негодница, негодница, постой ты у меня! — грозила кухарка кому-то толстым пальцем.

— Кто негодница? — ничего не понимая, спросила хозяйка.

— Да Генька ваша... Прибежала торопить меня обед подавать, а сама так и юлит, так и юлит, — жаловалась Васса.

Евангелина Денисовна даже в лице изменилась.

— Геня, поди сюда! — коротко и зловеще позвала она девочку.

Все замерли на своих местах, все поняли, что несдобровать теперь проказнице Гене, и каждая втайне пожалела девочку. Но Геня, как ни в чем не бывало, встала, со своего места и подошла к хозяйке, и в лице ее не замечалось ни малейшего страха, ни малейшего смущения.

— Это ты насыпала соли вместо сахара?

— Да, я, — спокойно, к общему удивлению, ответила Геня.

— Нечаянно?

— Нет, кажется, нарочно.

О, это было уже слишком. Полное лицо Евангелины Денисовны побледнело, как полотно. Руки у нее затряслись.

— Ага! — произнесла она так значительно, что мастерицы и девочки вздрогнули поневоле. — Подойди-ка сюда поближе и повтори то, что сказала сейчас.

Нимало не смущенная Геня придвинулась на шаг к хозяйке и произнесла вторично:

— Я сделала это нарочно.

Тогда хозяйка протянула ей тарелку с киселем, сунула в руку ложку и тоном, не допускающим возражений, произнесла коротко:

— Ешь!

Геня слегка подалась назад.

— Ешь сама эту гадость, раз ты хотела угостить меня ею, — еще суровее произнесла госпожа Нешт.

— Держите, держите ее! — кричала хозяйка...

Геня молча, с покорным видом, взяла ложку, зачерпнула ею из тарелки горячего киселя и поднесла было ко рту. Но тут случилось нечто совсем непредвиденное.

Левая рука Гени опустилась, полная до краев горячей алой жидкости тарелка выскользнула и упала прямо на белоснежного Нини, безмятежно восседавшего на своем стуле подле хозяйки.

— Мя-а-а-а... — отчаянно заорал несчастный ошпаренный и испуганный котик и волчком закружился на одном месте.

— А, так-то ты, дрянная, безжалостная девчонка! — взвизгнула Евангелика Денисовна и, схватив на руки кота, залепленного алой кисельной жижей, понеслась вдогонку за Геней.

Та, со скоростью стрелы, бросилась от разъяренной Евангелины Денисовны. Получилась суeta и шум невообразимый.

— Держите ее, держите! — кричала хозяйка, все больше и больше отставая от ускользавшей от нее дерзкой девчонки.

— Каррраул, меня хотят заставить теперь съесть самого кота! — вопила Геня в свою очередь.

— Мя-а-а-а-а... — продолжал неистово мяукать несчастный Нини. А мастерицы и девочки давились со смеха.

— Заказчицы пришли, — заявила с порога Васса, прекратив этим сразу всю происходившую здесь суматоху.

Все еще красная от гнева и трясущаяся от злобы, хозяйка быстро передала Нини одной из девочек, приказав сделать примочку пострадавшему коту и хорошенько вымыть его и, пригрозив Гене небывалым наказанием, поспешила к заказчицам.

Глава XXXIX

Снова Иванка и Яшка

— Смотрите, смотрите! Кто это такой?

— Батюшки, никак трубочист!

— Негр, вернее.

— Миленькие, да он не один. Глядите, из-за пазухи голова торчит чья-то.

— Да, голова, и лохматая.

— Полно вам сочинять! Это просто мальчик с обезьяной, — вмешалась мастерица Ольга.

— Ну, конечно, мальчик с обезьяной, — согласились сразу цветочницы.

Посреди кухни стоял Иванка: из-за пазухи у него выглядывала потешная мордочка Яшки. Он только что с черного хода пришел в цветочную мастерскую и попросил Вассу вызвать Марго.

Но Васса, которую появление оборванного болгарина порядком напугало, вызвала сюда, вместо Марго, трех старших мастериц. За ними заглянули в кухню Геня, Роза и Маша. Одна только Марго продолжала сидеть на своем обычном месте в мастерской и усердно работала над венком, который поручила ей Евангелина Денисовна.

Венок был уже почти готов. Прекрасные нежные розы казались настоящими живыми цветами. Им не доставало только аромата. Каждый лепесток цветка, казалось, жил, улыбался своей свежестью. Ожидания хозяйки вполне оправдались. Марго блестяще выполнила заказ, работа, занявшая целые две недели времени и труда, была почти закончена. Оставалось прикрепить последний цветок. Марго так увлеклась окончанием работы, что не заметила, как опустела мастерская, не слышала голосов, доносившихся из кухни. Самой мадам Нешт не было в это утро в мастерской. Она поехала по делам и раньше вечера не могла возвратиться, поэтому цветочницы чувствовали себя свободными. Они окружили Иванку и с любопытством разглядывали его и Яшку.

— Кто ты такой?

— Откуда?

— Зачем пришел сюда?

— Зачем тебе Марго?

— Ты говоришь, что она тебе сестрой приходится?

— А заставь твою обезьянку показать нам все ее фокусы.

Иванка только улыбался в ответ, то и дело обнажая свои белые зубы да сверкая своими черными глазами. Ему было очень приятно, что все эти девушки так гостеприимно встретили его. От дворника Матвея он уже успел узнать, что новенькая живет здесь около двух месяцев и что сама Нештиха ею очень довольна. Ему страшно захотелось повидать свою прежнюю спутницу. Чтобы заручиться расположением цветочниц, Иванка спустил на пол Яшку и приказал ему проделать все, чему он научен.

В эту минуту вернулась из лавки Филя. Выпучив от страха и удивления глаза, она остановилась у порога и дико посмотрела на никогда невиданное ею животное.

— Совсем, как человек... — пугливо проронила она.

— Какой же это человек, Филя? Да ведь это маленький чортик, — возразила ей самым серьезным тоном Геня.

— А-а-а! — взвизгнула, приседая на пол, Филя. — Маленький чортик, стало быть...

— Стало быть, он самый, Филя.

— А-а-а-а-а... Помилуй нас, Господи! Царица Небесная! Владычица Богородица!.. Нечистый и есть. Глазами-то как вращает... Тыфу, чур меня, чур, чур, прости Господи! — шептала в ужасе Филя, мечась по кухне и ища место, куда бы ей спрятаться.

— Глупая ты, глупая, Филя! Неужели ты обезьян на картинках никогда не видала? — урезонивали девочку старшие мастерицы, между тем как Геня покатывалась со смеху.

— Так, стало быть, облизьяна это? — с робким недоверием произнесла Филя.

Геня продолжала хохотать.

Впрочем, теперь она смеялась не над одной только Филей, но и над самим Яшкой, который в это время, одною рукою держа палку, как ружье, другою преважно козырял цветочницам, маршируя перед ними как настоящий солдат. Потом подобрав шлейф своей красной юбки и развернув бумажный зонтик над головой, Яшка изображал важно прогуливавшуюся по саду барыню.

— Ха-ха-ха! — заливались мастерицы.

— Хи-хи-хи! — вторили им девочки.

Этот смех привлек внимание Марго. Она оставила работу и быстро прошла из мастерской в кухню и замерла, оживленная и радостная, на пороге.

— Иванка! Яшка! — громко воскликнула девочка.

В тот же миг Яшка далеко отбросил от себя зонтик и одним прыжком очутился на груди Марго. Худенькие его лапки, похожие на человеческие руки, нежно обхватили голову девочки, а круглые, мигающие глазки, казалось, выражали желание что-то сказать.

— Иванка, мой милый Иванка! Как я рада тебя видеть! — лепетала радостно Марго.

Иванка в свою очередь приблизился к девочке и крепко пожал ей руку.

— Я рад тебя видеть здоровой, Маргаритушка, — произнес не без волнения мальчик.

— Отчего ты так долго не приходил? — с укором взглянула на него Марго.

— Я был в больнице. Простудился и заболел, — пояснил мальчик. — И Яшка был нездоров тоже, его взял к себе больничный доктор, держал его до моего выздоровления. А теперь мы снова здоровы оба.

— Ты будешь теперь часто приходить ко мне, Иванка? — спросила Марго, заглядывая в глаза своего друга.

— Если позволит твоя хозяйка, то каждый праздник.

— Ну, смотри же приходи завтра, как раз праздник будет.

— Непременно приду.

Друзья снова пожали друг другу руку, не замечая насмешливых улыбок мастериц и Гени. Потом Марго поцеловала не перестававшую забавно гримасничать мордочку Яшки, и они расстались.

Глава XL

Маленькая мастерица

- Нечего сказать, хорош паренек! — заговорили в мастерской после ухода Иванки.
- Неужели же все французы такие?
- Да это не француз, а болгарин.
- А как же он нашей француженке доводится братом?
- Все нищие — братья между собой.
- Марго, а Марго! С каких это пор ты, француженка, с болгаринцом побраталась?
- Расскажи, душенька, да позабавнее. Мы сказки да бредни страсть как слушать любим.

Поток насмешек так и лился на голову Марго. Мастерицы забыли, верно, как смешил и забавлял их болгарин с его обезьяной, и теперь всячески, по уходу Иванки, издевались над ним.

Марго страдала за себя и своего друга. Напрасно добрая Маша, наклонившись к уху подружки, убеждала ее не обращать внимания на злых мастериц, — Марго волновалась так, что было жалко смотреть на нее.

Возвращение домой хозяйки сразу прекратило эту травлю.

Первое, что увидела возвратившаяся Евангелина Денисовна, войдя в мастерскую, был белый очаровательный венок, лежавший перед Марго на столе. Мадам Нешт тщательно осмотрела не только каждый цветок, но и каждый лепесток, нежно и удивительно искусно склеенный из атласа, шелка и бархата. И не могла скрыть охватившего ее восторга.

— Ну, Марго, — с сияющим лицом обратилась она к девочке, — этой работой ты действительно отличилась. Венок сделан отлично, и я могу гордиться тем, что он выполнен в моей мастерской. А ты, милая, которая одна, без посторонней помощи его изготовила, не можешь оставаться у меня простой ученицей. С этого дня я назначаю тебе жалованье десять рублей в месяц и делаю тебя младшей мастерицей, несмотря на то, что ты еще маленькая десятилетняя девочка. Надеюсь, ты довольна таким решением?

Довольна ли она? Ах, Марго показалось, что все это она видит и слышит во сне — и похвалы хозяйки и завистливые взгляды мастериц. В ее маленькой душе расцвели новые радостные надежды. Раз ей назначили жалованье, она будет помогать Иванке, будет откладывать и копить деньги на поездку в Париж.

«Париж... Париж... Милая родина... Дорогой Поль... Добрый дедушка Ришар.. Неужели я увижу вас всех?» — пронеслось в голове Марго.

Между тем, лишь только Евангелика Денисовна вышла из комнаты, как мастерицы заволновались, заговорили все сразу.

— Вот и праздник! Дождались! Того и гляди, всех нас повыгонит Нештиха, одну любимицу свою в помощницах у себя оставит. Выискала мастерицу!..

— Уж это как пить дать будет, выгонит из-за Маргошки всех до одной.

— А венок хорош, слова против этого сказать нельзя, — шепнула, подзадоривая всех, Геня.

— Молчи, Генька, уши нарву! — рассердилась мастерица Ляля.

— Что-ж, уши оборвете, да толку-то мало: я-то буду без ушей, а венок свой Маргариточка в магазин потащит, и новая мастерица между вами будет, — не унималась

Геня. — Еще, пожалуй, ее за старшую над вами поставят.

— Ну, это дудки... Не позволим мы.

— Что вы там шепчетесь. Работать сейчас. Какие могут быть разговоры в рабочее время! — снова неожиданно появляясь на пороге мастерской с картонкой в руках, строго прикрикнула Евангелина Денисовна на разболтавшихся цветочниц. — Евгения, ты что там опять баламутишь? — еще строже обратилась она к Гене.

— Что вы на меня поклеп возводите, Евангелина Денисовна!.. — плаксивым тоном пропищала та. — Я тихонько сижу, никого не трогаю, никому не мешаю. Зря только обижаете...

— Молчать!

— Не могу я молчать, когда зря обижаете!

— Сию минуту молчи!

— Хочу, да не могу. Сам язык болтается, никак не удержать, — к общей потехе ответила Геня.

— Вот я тебя накажу, тогда он перестанет болтаться, — рассердилась хозяйка.

— А я кричать стану. Все соседи соберутся и увидят, как вы бедную сиротку мучаете, всем на вас нажалуюсь тогда.

— Ступай в угол сейчас, дерзкая девчонка! — закричала Евангелина Денисовна.

— В который, мадам? Здесь четыре угла, по дороге заблудишься.

Геня с каждой минутой становилась все резче и смелее. Она знала, что хозяйка побоится бить ее в присутствии мастериц.

Евангелина Денисовна буквально задыхалась от гнева.

— Гадкая девчонка. Ты у меня дождешься! Выгоню тебя на улицу! — продолжала она кричать на всю мастерскую.

— А я по улице пойду и каждому встречному рассказывать стану, как вы здесь нас бедных мучаете, истязаете. Ни слова не утаю. То ли будет любо-дорого! — тянула в ответ разгневанной хозяйке плаксивым голосом из угла Геня.

Мастерицы фыркали, смеялись укладкой. Девочки замирали от страха за участь Гени.

Но вид очаровательного венка из белых роз, вышедшего из-под рук Марго и снова попавшегося на глаза госпоже Нешт, был так хорош, что Евангелина Денисовна махнула на этот раз рукой на все дерзости Гени и занялась укладыванием венка в принесенную картонку.

* * *

— Госпожа мастерица идет, кланяйтесь ей пониже!

— От горшка два вершка, а туда же! Важничает!

— Подумаешь, есть чем гордиться!

Так насмехались мастерицы, наскоро одеваясь в передней и искоса поглядывая на Марго, зачем-то вышедшую в переднюю.

Неожиданно пред ними, словно гриб, выросла вертлявая фигура Гени.

— Тошнехонько вам, чай, что Маргошку, эту карлицу самую, вам в товарки навязали? — лукаво поблескивая глазами, спросила она девушек самым невинным тоном.

— Не твое дело! — сердито отрезала Ольга, не глядя на нее.

— А вы потише со мною, миленькая... Авось Генька пригодится. Не плюй в колодец — пригодится воды напиться, — снова захихикала Геня. — А хотите, девицы, чтоб и венка не стало и чтобы Маргошка в мастерицы не попала?

— Да как же ты сделаешь это? — изумленно воскликнули все три мастерицы.

— Да уж это мое дело. Только никто из вас меня не выдаст?

— Понятно, не выдадим! Ума ты рехнулась, что ли?

— Ну, так по рукам... Я вам услужу, а вы меня за это от хозяйки защищайте. Будете?

— Будем, будем защищать! Не бойся, Геня.

— Ну, теперь ступайте по домам, и нам, девочкам, время спать ложиться. Да, кстати, обещал, что ли, этот нищий мальчуган прийти завтра в праздник к Марго?

— Обещал, обещал, как же.

— И с обезьянкой своей?

— И с обезьянкой, да.

— Ну, стало быть, как Филя-простофиля говорит, дело в шляпе. Спокойной ночи; послезавтра придете, и дело будет уже сделано, — и Геня быстрой птицей выпорхнула из прихожей, промчалась по мастерской и исчезла в полутемной заставленной шкафами комнате, где спали девочки-ученицы, жившие на всем готовом у мадам Нешт.

Глава XLІ

Что случилось на следующий день

Воскресенье. Мастерская убрана по-праздничному. Мадам Нешт хлопочет по хозяйству, часто заглядывает на кухню, потому что кухарка Васса отпущена за город, к дочери.

— Филя, надо сбегать за провизией в лавку, а то закроют. Уже одиннадцатый час, а ведь сегодня воскресенье! — сказала Евангелина Денисовна.

— Иду, — покорно ответила Филя.

— Подожди, я тебе дам записку, ведь в лавке берем по запискам, разве не знаешь! Эх ты, голова! — и мадам Нешт, достав бумагу и карандаш, принялась писать лавочнику, какой и сколько провизии отпустить Филе. Написав, она сказала:

— На, теперь ступай!

Филя оделась, взяла со стола записку и пошла в лавку. Но каково было удивление мадам Нешт, когда через пять минут девочка вернулась обратно без провизии.

— Не дают... Смеются... Прогнали! — жалуется Филя, подавая хозяйке обратно записку.

Евгения Денисовна взглянула и ахнула. Это был не заказ на провизию, а стишки, написанные корявым почерком Гени:

Ах ты, Филя-простофиля,
Деревенщина моя...
Вышла в лавку покупать,
Просит мяса ей продать,
Хлеба, овощей и лука,
Только денег не несет,
Даром весь товар берет.
Филе вы не доверяйтесь,
Филю вы остерегайтесь,
Ей товару не давайте,
Вон из лавки выгоняйте

Действительно, Филю выгнали из лавки и проводили насмешками.

Геня сумела ловко подменить хозяйкину бумажку листком со стишками, сочиненными ею самой. Геня вообще была мастерица сочинять стишки о том, о сем. И попало же за это Гене. Пользуясь отсутствием мастериц, хозяйка больно наказала ее ремнем. Но Геня зажала рот, стиснула зубы и не испустила ни единого крика.

Ах, что было потом... Подвернулся в недобрый, видно, час под руку Гене белый прелестный сибирский котик, — и вмиг превратился в черного полосатого зверька: Геня не пожалела угля из печи.

Это случилось в отсутствие Евангелины Денисовны, уехавшей куда-то в гости. Не было дома и девочки Маши, отпущенной к старой бабушке в богадельню. В квартире были только Геня, Филя и Марго.

В двенадцать часов пришел Иванка. Марго сильно обрадовалась мальчику. Она

поручила Филе заняться Яшкой, а сама, усадив Иванку в кухне на табурете, угощала его своей порцией воскресного завтрака, предусмотрительно оставленного ею для дорогого гостя.

Пока Иванка угощался непривычным для него вкусным кушаньем, Марго рассказывала ему о своей работе, о похвалах хозяйки, о положенном ей жалованье и о зависти мастериц.

— Обижают они меня, Иванка, — говорила девочка, — да все это вздор, терпеть можно. Мадам меня ценит, любит, мастерицей сделала, жалованье положила. Теперь копить на дорогу будем, и тебе голодать не придется, я с тобой поделюсь.

Иванка с аппетитом завтракал, гладил по голове Марго и ласково говорил ей:

— Ты потерпи, уж потерпи, Маргаритушка.

— Разумеется, буду терпеть...

— Очень это все хорошо, Маргаритушка, — улыбаясь и сияя глазами, говорил Иванка. — Ты в мастерицах работать будешь, я дела свои поправлю. На улице теплее погода стала, глядишь, можно снова работать с Яшей... Насобираем денег и махнем в Париж.

— Ах, Иванка, вот радость-то будет!

И Марго стала весело строить планы относительно будущего путешествия в Париж.

Глава XLII

О том, что произошло в рабочей комнате

Между тем, Геня и Филя, вдоволь набегавшись и натешившись с Яшкой, уселись за рабочий стол в мастерской. Посреди этого стола стояла закрытая и тщательно увязанная картонка с венком из белых роз, так искусно сделанных Марго. Рядом с нею лежал на столе другой венок, старенький, довольно потрепанный и засаленный, служивший образцом для цветочниц. Тут же стоял стакан с краской, которою мастерицы подкрашивали изредка листья и ветки искусственных цветов. Из стакана торчала длинная кисточка.

— Филя, — обратилась с самым невинным видом Геня к своей простоватой подруге, — ты знаешь уже теперь, что за зверь этот самый Яшка?

— Знаю, стало быть, облизыня, — кивнула головой Филя.

— А знаешь, чем обезьяны отличаются от других зверей?

— Чево это? — не поняла Филя.

— Фу ты, глупая какая! Спрашиваю тебя: знаешь, чем от других животных отличаются обезьяны.

— Не, — простодушно ответила Филя.

— Да тем, что они человека любят передразнивать.

— Не понимаю...

— Сейчас поймешь. Вот возьми кисточку и покрась зеленой краской цветы на этом венке и ты увидишь, что Яшка то же самое станет делать.

— Что?

— Ах ты, Господи! — рассердилась Геня на бестолковую девочку. — Ну, вот, смотри...

Тут она взяла старенький, потрепанный венок и, макнув кистью в зеленую краску, стала выводить ею по каждому цветку, по каждому листику.

Яшка, в это время внимательно рассматривавший себя в зеркало, стоявшее в углу мастерской, вдруг прекратил свое занятие и шаловливо прыгнул на стол. Тут он стал усердно следить за каждым движением Гени, красившей цветы.

Геня, выкрасив несколько цветков, как бы случайно выронила кисточку из рук. В тот же миг кисточка и венок очутились в лапках Яшки. С уморительными ужимками обезьянка принялась макать кисть в стакан с краской и водить ею по листьям и цветам старенького венка.

Геня и Филя помирали со смеху, глядя на Яшку.

Вдруг лицо Гони приняло серьезное, сосредоточенное выражение.

— Ты бы, Филя, пошла в кухню, посмотрела бы, что там делает тот мальчуган. Не стащил бы чего. За этими нищими надо смотреть в оба. А я сейчас следом за тобой приду.

Филя, побаивавшаяся бойкой и живой Гени, беспрекословно подчинялась ей во всем. И сейчас она покорно вышла на кухню по первому ее слову.

Этого только и надо было Гене. Оставшись одна, она быстрым движением вырвала из рук Яшки старый венок и сбросила его на пол. Затем так же быстро развязала картонку, вынула новый венок и словно нечаянно бросила его на стол перед Яшкой.

Обезьянка, разумеется, не стала раздумывать, тотчас же снова макнула кисточку в зеленую жидкость и принялась усердно водить ею по нежным шелковистым лепесткам белых искусственных роз.

С затаенным волнением Геня следила за этой работой. У нее от радости глаза заблестали. Она далеко не ожидала такого успеха от своей затеи. Когда она обещала мастерицам подвести Марго, то думала поступить совсем иначе; просто дать Яшке поиграть работой Марго и предоставить ему возможность попортить хорошенький венок. А тут выходило нечто лучшее. Испорченный помятый венок всегда можно было бы починить и восстановить, а выкрашенные в зеленый цвет розы нельзя уже ни под каким видом переделать в белые.

«Зеленые розы! Ха-ха-ха! Их можно только разве увидеть во сне!» — торжествовала мысленно Геня, следя за работой Яшки.

Обезьянка все продолжала безжалостно превращать нежные белые цветы в ярко-зеленые, не понимая, какое горе этой работой приносит маленькой девочке, которая так нежно заботилась о ней.

Когда последняя белая роза превратилась в безобразно-зеленую, Геня грубо столкнула на пол обезьянку и тихо позвала Филю, придав наскоро своему лицу испуг и отчаяние:

— Филя! Филя! Иди сюда!

Филя быстро прибежала на ее зов.

— Ну, что там на кухне?

— Ничего, все целехонько... Калякают там себе на кухне... — начала она и вдруг с выпученными со страху глазами присела на пол.

— Батюшки-светы! Царица Небесная! Цветки-то, цветики! Батюшки! Кто-ж это их так?

В один миг Геня очутилась подле причитывавшей девочки и зажала ей рукою рот.

— Нишкни! Молчи! Ни одного слова! Чтобы никто не знал... ни единая душа, слышишь? Я пошла убирать Нештихину комнату, пришла и вижу: картонка раскрыта, обезьяна эта противная над венками трудится, старый испортила, за новый принялась. Ведь это Маргошкина вина. Завтра сдавать надо... Мадам узнает — беда! Маргошку убьет и нас заодно с нею... Скажет — не уберегли. Уж лучше молчать. Уложим и завяжем как было. Авось не заметят, а там в магазин отнесут и сдадут. Пока узнается — много пройдет времени, и я придумаю что-нибудь. Только ты молчи... Христа ради, не сознавайся, что при нас обезьяна напроказничала. Скажем, ушли из комнаты, а она и отделала работу по-свойски. И старый венок покажем.

— Господи Иисусе Христе, вот несчастье-то! — по-прежнему лепетала вся белая от испуга Филя.

— Молчи, тебе говорят! — прикрикнула на нее Геня. — Да чтобы Маргошка-то не узнала. Смотри — молчи!

— Господи Иисусе... Стало быть, буду молчать.

— То-то же... Не то и себя и меня погубишь.

— Ладно уж...

— Ну, а теперь пойдем к ним, не то догадаются сразу.

Тут Геня быстро положила обезображенный венок в картонку, тщательно накрыла его тонкой папиросной бумагой и, увязав картон бечевкой, как ни в чем не бывало, подхватила за ошейник Яшку и потащила его на кухню, где мирно, ничего не подозревая, Марго беседовала с Иванкой.

Филя покорно последовала за Геней.

Глава XLIII

Ужасное открытие

— Ну, девочка, смотри, неси картонку осторожнее. Вот тебе двугривенный на извозчика, боюсь, что ты не найдешь сама магазина. Васса донесет картонку и усадит тебя. Адрес магазина я скажу ей. Посылаю тебя, Марго, а не другую девочку, чтобы в магазине увидели мою искусную мастерицу. Ну, живо! Деньги они сами пришлют, ты можешь их не дожидаться.

С этими словами Евангелика Денисовна проводила Марго до дверей мастерской. Васса вынесла за нею картонку. Спустились с крыльца, вышли на улицу.

— Извозчик! — позвала Васса. — Невский, Торговый Дом «Жорж»...

«Жорж»! Так значит, венок заказал торговый дом «Жорж». Это — наша парижская фирма. Там служит дедушка Поля. Может быть, я узнаю в здешнем отделении что-нибудь о них... — радостно и взволнованно подумала Марго и остановилась как вкопанная, забыв, что Вассе поручено посадить ее на извозчика.

— Ладно уж, ладно, поезжай! Да держи обеими руками картонку-то. Не приведи Господь, еще уронишь невзначай, — напутствовала Марго Васса, сажая ее в извозничью пролетку.

Извозчик тронул, и Марго поехала.

Пока извозчик плелся по пустынным еще в это раннее утро улицам столицы, Марго мечтала о том, как она расспросит в магазине о господине Ришаре.

«Наверное, его все знают. Ведь он целые тридцать лет работает там», — наивно думала Марго, забывая, что служащих в торговом доме «Жорж» очень много и что имена их всех не могут быть известны петербургским приказчикам фирмы.

Вот Марго проехала длинный-длинный мост, огромную площадь и скоро выехала на Невский. Еще несколько минут, и извозчик осадил лошадь перед роскошным магазином с огромными зеркальными витринами. Швейцар распахнул дверь перед девочкой, и Марго не без волнения вошла в магазин.

В первом отделении, налево, продавалось мужское платье: пальто, фраки, сюртуки, пиджаки, брюки, а затем и белье.

С трудом придерживая тяжелую картонку, девочка повернула направо, где, привлекая взоры пестротой красок, виднелись дамские наряды, платья, капоты и манто. Как раз за ними пестрели красивыми алыми, голубыми, розовыми, синими и лиловыми оттенками гирлянды, венки, пышно составленные букеты и просто отдельные цветы. Это было отделение искусственных цветов.

Марго туда и поспешила.

— Monsieur, — обратилась она к вышедшему к ней из-за прилавка приказчику, — я принесла заказ из цветочной мастерской мадам Нешт.

— Ага, очень хорошо, — улыбнулся приказчик. — Но как вы могли донести сюда картонку? Такая маленькая девочка и такая большая коробка.

— О, я совсем не маленькая, — улыбнулась в свою очередь и Марго, — мне уже десять лет.

— В самом деле? Я бы не дал больше восьми.

В эту минуту к Марго подошел нарядный господин в белом жилете и с брильянтовым

перстнем на мизинце.

— Маленькая цветочница? Та самая, о которой мне говорила мадам Нешт? Та самая искусная мастерица? — произнес по-французски нарядный господин — управляющий магазином и протянул руку Марго.

Та ответила реверансом и пожала протянутую руку. Управляющий показался ей очень милым и славным человеком. Он так приветливо встретил Марго, что это дало девочке смелость спросить о Ришаре, дедушке Поля.

— Monsieur, не знаете ли вы Рене Ришара? Он служит в вашей же фирме в Париже... — робко осведомилась Марго.

— Нет, дитя мое, я не знаю никакого Ришара, — ответил управляющий. — Покажите вашу работу: мадам Нешт очень хвалила ее, она говорила мне, что вы самая искусная маленькая цветочница в мире. Итак, покажите, покажите ваш венок.

Подожли другие приказчики и барышни-продавщицы, свободные от работы в этот ранний утренний час. Все они с удивлением поглядывали на Марго.

— Как, такая малютка и считается лучшей цветочницей госпожи Нешт? — перешептывались они между собою.

Кто-то из барышень погладил Марго по голове, кто-то потрепал ее по щеке.

— Прелестная девочка! — прошептала кассирша.

Польщенная всеми этими похвалами, Марго быстро развязывала картонку. Вот ее ловкие пальчики освободили картон от бечевки, приподняли крышку коробки, нетерпеливо отбросили бумагу и вынули из картонки венок.

— Ах! — дружно вырвалось у всех.

— О, какое безобразие! Какой ужас! — подхватили приказчики и приказчицы, взглянув на то, что держала дрожащими руками Марго.

Действительно, это было безобразие.

Глаза Марго широко раскрылись от ужаса и удивления. Лицо стало блее бумаги и задрожавшие пальчики выронили обезображенный венок на пол.

— О, я не виновата! Не виновата ни в чем!.. — успела прошептать насмерть ошеломленная девочка и, закрыв лицо руками, громко разрыдалась.

Глава XLIV

Два разговора по телефону

Только что добродушные, приветливые, ласковые лица, окружавшие Марго, мигом преобразились. С негодованием и отвращением смотрели теперь приказчики и приказчицы то на Марго, то на безобразный, выкрашенный в зеленую краску, венок. Управляющий магазином сразу перестал быть тем любезным, приветливым человеком, каким он показался Марго всего несколько минут тому назад. Он схватил ее за плечи и закричал изо всех сил, пользуясь отсутствием покупателей:

— О, негодная, скверная девчонка, ты хотела обмануть нас! Ты хотела подсунуть никуда не годную вещь вместо обещанного венка. О, ты будешь строго наказана за это. Сейчас же вызову сюда по телефону госпожу Нешт. А может быть, это ее проделки, это она подучила тебя?

Управляющий сердился и кричал так, что весь магазин сбежался на эти крики. Кто защищал и выгораживал Марго, кто обвинял и бранил ее хуже управляющего. Потом подошел седой высокого роста француз-приказчик из отделения дамских нарядов, прослуживший здесь чуть ли не всю свою жизнь, и стал внимательно прислушиваться к возмущенному голосу управляющего. Он положил руку на черненькую головку рыдавшей девочки и ласково произнес:

— Перестаньте плакать, дитя мое. Объясните нам лучше, кто мог это натворить?

Но разве Марго могла что-нибудь объяснить. Разве она знала; кто так злобно подшутил над ней. Среди рыданий она могла только пролепетать:

— О, только не я... Не я испортила венки, уверяю вас, monsieur, нет, нет... Я и сама не знаю, кто... Если бы знала и видела это раньше — могла ли бы я принести его в таком виде сюда? Я — честная девочка, я не обманщица, не лгунья... Спросите monsieur Ришара, вашего сослуживца из парижского отделения... Напишите ему, он вам ответит... Он знает меня...

— Monsieur Ришара, старого Рене Ришара? — неожиданно переспросил француз-приказчик.

— Да, да... Он знает меня... — еще раз, рыдая, подтвердила Марго.

Седой господин кивнул головой и незаметно скрылся.

А через несколько минут в отдаленном углу магазина в крошечной телефонной будке уже заработал аппарат:

— Алло! Соедините меня, пожалуйста, с гостиницей «Франция». Готово? Благодарю вас. Это гостиница «Франция»? Семьдесят четвертый номер дома? Нет? Они ушли? Так когда вернутся, скажите им, чтобы сейчас же приехали в магазин «Жорж». Передадите? Пожалуйста.

Пока седой француз-приказчик переговаривался по одному телефону, не помнивший себя от ярости управляющий, соединившись по другому телефону с мастерской госпожи Нешт, изливал все свое негодование и бешенство Евангелине Денисовне.

— О, это невозможно, мадам! Венки испорчены совсем. Ваша посланная хотела всучить нам совершенно ненужную безобразную вещь. Мы за нее не можем платить деньги. Приезжайте сейчас же за нею сами, и вы убедитесь в справедливости моих слов!

— Что такое?.. О, Боже мой! Венки?.. Ничего не понимаю... Сейчас приеду... — отвечала по телефону мадам Нешт.

А Марго в это самое время плакала горькими, неутешными слезами. В этих слезах застала ее примчавшаяся в магазин мадам Нешт.

То бледнея, то краснея, мадам Нешт схватила в одну руку картонку с злополучным венком, другою цепко обхватила испуганную, внезапно переставшую плакать и как бы впавшую в тупое молчаливое отчаяние Марго и потащила ее к выходу.

Осмотрев венок, мадам Нешт стала на себя не похожа. Бледная, с поджатыми губами, с прыгающими круглыми глазами она, не говоря ни слова, вышла из магазина, села на извозчика, взяла на колени злополучную картонку и, посадив Марго рядом с собою, коротко приказала извозчику как можно скорее ехать. За всю дорогу она не обменялась ни одним словом со своей маленькой спутницей. Только не доезжая нескольких сажений до подъезда дома, Евангелина Денисовна разомкнула, наконец, губы и произнесла, обращаясь к совершенно измученной всем пережитым Марго:

— Я тебе покажу, девчонка, как портить заказы и подрывать доверие к моей мастерской! Я тебя так проучу, что долго помнить будешь...

Малютка Марго задрожала, как лист, услышав эти слова.

В тот же миг извозчик остановил лошадь у подъезда, и Евангелина Денисовна, грубо схватив за руку Марго, почти втащила ее на крыльцо, а оттуда в прихожую мастерской. На обращая внимания на выскочивших к ним навстречу мастериц, она так же грубо проволокла Марго через ряд комнат и втокнула девочку в полутемную ванную комнату, находившуюся подле спальни. Здесь она приблизила к лицу девочки свое искаженное яростью лицо и прошипела со злобой:

— Сиди здесь пока до вечера. Когда уйдут мастерицы, я разделаюсь с тобою, дрянная, скверная девчонка! Узнаешь ты тогда, как нарочно портить тебе порученный хозяйкой заказ.

И она ушла, хлопнув громко дверью и закрыв ее на замок.

Глава XLV

Маленькая мученица

Потянулись ужасные часы для бедной Марго.

Голоса в мастерской постепенно стихали. Медленно наступал вечер. Должно быть, на дворе уже было темно.

Но в темной ванной комнате оставалось все по-прежнему, без перемен. Медленно сочилась по капелькам вода из крана, наводя ужасное уныние на и без того истерзанную всем случившимся девочку.

Марго чувствовала, что нечто ужасное ожидает ее, не повинную ни в чем. Плакать она не могла, уже давно выплавав все слезы.

С трепетом прислушивалась она к звукам, долетавшим до места ее заключения. Вот донесся отрывистый голос Ольги, засмеялась Зина... Что-то крикнула Ляля, где-то хлопнули дверью. Должно быть, это мастерицы расходятся по домам.

Наконец, все стихло. Не надолго, однако. За дверью ванной послышались тяжелые торопливые шаги хозяйки... Щелкнул замок, и дверь широко распахнулась.

Крупные капли пота выступили на лбу Марго. Она вся затрепетала.

На пороге ванной комнаты стояла Евангелина Денисовна. Лицо хозяйки было злобно и бледно по-прежнему. Глаза точно прыгали, губы дрожали. Она протянула руку и крепко схватила Марго.

— Пойдем, девочка, миленькая, хорошенькая, пригоженькая... — издеваясь над обезумевшей от страха француженкой, деланно ласковым тоном затянула она. — Пойдем, я попотчую тебя самым превосходным, самым вкусным угощением. Останешься довольна, крошечка моя, будь уверена!

И, рванув девочку, она протащила ее темным коридором в спальню и бросила на свою широкую и высокую постель... Потом быстро рванулась обратно к двери, заперла ее на ключ и, схватив со стула очевидно приготовленный уже заранее широкий ремень, подскочила к Марго.

Пронзительный, полный дикого отчаяния и ужаса крик огласил в тот же миг мастерскую.

К крику, поднятому Марго, присоединился за дверью другой... Кричали сразу несколько голосов:

— Мадам! Мадам! Мадам! Отворите! Вас спрашивают какие-то господа! Они ждут и передней!

— Что?

Злая, сердитая, Евангелина Денисовна с трудом разбирала, что ей говорили Геня, Маша и Роза там, за дверью. Недовольная тем, что ей помешали расправиться с девочкой, хозяйка отшвырнула ремень и пошла к порогу комнаты.

Но ее уже предупредили. Кто-то стучал кулаком в дверь, и незнакомый голос кричал за нею по-французски:

— Отворите сейчас же, сию же минуту! Иначе будет худо!

Этот, голос, страшно знакомый Марго, дошел до слуха полубесчувственной девочки. Собрав последние силенки, она вскочила с кровати и, шатаясь, побежала к двери, опережая хозяйку.

— Пустите меня, пустите меня! — лепетала она, но крепкие руки Евангелины Денисовны снова схватили ее за плечи.

В тот же миг кто-то сильно рванул дверь с наружной стороны. Дверь затрещала... Слабая задвижка не выдержала и, подавшись, выскочила из гнезда.

— Как вы смеее врываться? — начала было хозяйка, но в тот же миг слова ее покрылись отчаянно радостным, полным восторга и надежды криком Марго, стрелою ринувшейся вперед.

— Дедушка Ришар! Поль! Милые! Дорогие!..

На пороге спальни действительно стоял дедушка Ришар рядом с седым французом-приказчиком из магазина, а из-за спин обоих взрослых выглядывало милое, встревоженное личико Поля.

Не помня себя от радости, Марго кинулась в объятия старика Ришара, потом подлетела к Полю, лепеча на своем родном языке сквозь слезы:

— Дедушка Ришар, Поль! Каким образом вы здесь со мною?.. Милые... Хорошие... Поль, дедушка, как вы здесь очутились? О, Боже, Боже! В такую минуту! Возьмите меня отсюда скорее. Меня мучают, истязают здесь... Я не могу больше, не могу... Вы за мною? Это — не сон? Это правда?

И она замерла в объятиях подхватившего ее на руки старика Ришара.

О, какие это были сладкие минуты! Руки подоспевшего Поля сжимали тесными объятиями шею Марго, и милый голосок ее маленького друга шептал на ухо девочке слова, полные ласки и любви:

— Да... да... Уедем... Увезем тебя, Марго... Голубка, крошка... Для этого мы и приехали из Парижа. Дедушка взял отпуск, и мы приехали... Мы искали тебя повсюду и не могли найти... Неделью живем уже в гостинице, всюду ищем тебя, всех расспрашиваем... И вот, наконец, сегодня, совершенно случайно, господин Вилье телефонировал дедушке, что нашел тебя. Мы ему все рассказали о тебе, когда он зашел к нам в гостиницу. Ах, Марго, как мы счастливы, что нашли тебя... Сегодня, сейчас же увезем тебя отсюда... А потом в Париж.

— И Иванку тоже? — робко осведомились малютка.

— Кто это Иванка?

Марго рассказала.

— Да, да, и его, и его, раз он твой друг! — обрадовался Поль.

В то время, как дети восторженно переживали радость встречи, оба старика — Ришар и его приятель — строго упрекали хозяйку за ее жестокое обращение с детьми, грозя довести обо всем до сведения общества, заботящегося о детях, у которых нет родных и близких.

Госпожа Нешт совсем струсила. Ее нельзя было узнать. Перепуганная неожиданным появлением незнакомцев, она только, улыбаясь, кланялась и приседала, забывая оправдать перед ними себя и свой поступок с Марго.

Потом господин Ришар повез Марго к себе в гостиницу, где он временно остановился с внуком Полем.

Мастерицы и Геня старались не смотреть на уезжавшую Марго. Одна только Маша нежно простилась с нею, обливаясь слезами.

Из гостиницы, по просьбе Марго, послали разыскивать Иванку. Он пришел в тот же день, по черному ходу, в гостиницу, оборванный, грязный, но такой милый, что сразу понравился обоим парижанам — и дедушке и внуку. Его встретили, как старого друга, одели и накормили вместе с Яшкой.

А через несколько дней все четверо: дедушка Ришар, Поль, Марго и Иванка с его неизменным Яшкой уезжали в далекую Францию, в Париж.

Их провожали только двое людей: старый приказчик из цветочного магазина и цветочница Маша.

Был чудесный февральский день. Ласково сияло ликующее солнце. На вокзале сновала пестрая, суетливая толпа.

И впервые за последний год своей коротенькой жизни со дня смерти матери Марго почувствовала себя вполне спокойной и счастливой. Теперь она уже не могла себя считать одинокой: с нею были ее друзья — дедушка Ришар, милый маленький Поль, славный Иванка и забавный Яшка, запрятанный в корзинку, так как никто из публики не пожелал бы ехать вместе с таким беспокойным небезопасным пассажиром.

Иванка улыбался радостной улыбкой и чуть ли не вслух мечтал:

«Париж — не Петербург. Там и климат другой. Там мы с Яшкой не замерзнем зимой, если будем ходить по улицам. Да и добрый барин Ришар обещал приютить нас у себя, а мне найти место мальчика в магазине».

И Иванка был счастлив не менее своей названной сестренки, Марго.

Маша-цветочница закивала и заулыбалась сквозь слезы своей уезжавшей подруге... Марго замахала платком. Поезд тронулся.

Поль обнял Марго и смотрел на исчезающие постепенно дома и улицы Петербурга.

Глазами, затуманенными радостными слезами, смотрела на них и Марго. Вместе с последними домами исчезающего постепенно чужого города исчезали и ее прежние несчастья, происшедшие здесь... Начиналась новая жизнь, радостная, светлая, среди добрых друзей, на милой и дорогой родине, в родном Париже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net